

A close-up, high-contrast photograph of a human eye, looking slightly to the right. The eye is the central focus, with the iris and pupil clearly visible. The surrounding skin is dark and textured, with some shadows and highlights that give it a grainy, almost painterly appearance. The overall tone is somber and intense.

Малик Уразбаев

**ЧИСТАЯ
СОВЕСТЬ**

Малик Уразбаев

ЧИСТАЯ СОВЕСТЬ

©2024

*Тот, кто в молодости не был
революционером, был импотентом.*

*Тот, кто, найдя себе жену,
не стал контрреволюционером,
однажды станет рогоносцем.*

Вольный перевод пустой
болтовни в самолете;
рейс «Касабланка-Бейрут»,
декабрь 2016 года

К чему заниматься политикой, коль она и без того занимается вами, тобой, им, ей, ими, нами?

Зачем демонстрации, манифестации, прочие ажитации, когда я, ты, он, она, мы, они находимся в полной прострации?

Между тем политика ходит-бродит и занимается, занимается, занимается, занимается, занимается. Мной занимается, тобой занимается, им занимается, ей занимается...

Где я, где ты, где он, где она, где вся моя семья? А также вы и они? Свои, чужие, друзья, враги?

Первый раз политика постучала или, скорее, тихонько поскреблась в дверь жизни Дани Хека в 2011 году. В 2011 году Даня политике дверь не открыл, он ее просто не услышал. Он не услышал не только ее, он вообще почти никого и ничего не слышал. Слышал он лишь себя и вопросы в себе к окружающим его другим, вопросы важные очень, которые никак не решались без борьбы, потому Даня отчаянно боролся.

Даня отчаянно боролся за независимость от родителей.

Даня отчаянно боролся за внимание Ксении (Ксения, на его максималистский взгляд, была самой красивой де-

вочкой в классе).

Даня отчаянно боролся с ночной поллюцией.

Даня отчаянно боролся с прыщами.

С родителями получалось скверно. Скверные родители полагали, что к независимости их сын Даня еще совсем не готов.

С Ксенией было и того хуже. Хуже всего было то, что Ксения сверстников за мужчин не считала, не признавала, не обращала на них ни малейшего внимания и, по слухам, регулярно отсасывала в школьном туалете выпускникам.

Прыщи также не побеждались. Не побеждало их даже чудодейственное средство из телевизора. В телевизоре прыщи исчезали на глазах – в жизни их отчего-то становилось даже больше, чем до использования чудодейственного средства.

И только ночная поллюция быстро сдалась мастурбации, мастурбации множественной и частой, мастурба-

ции ежедневной. Ежедневно Даня представлял себе Ксению в школьном туалете, но не с выпускниками, а с ним самим.

Во второй раз политика вежливо стукнула в дверь жизни Дани в 2012 году. И в 2012 году Даня политике дверь не открыл: ему было не до политики. И не до политиков, поскольку в свои шестнадцать он продолжал свою решительную борьбу.

Он продолжал решительно бороться за независимость от родителей.

Он продолжал исподволь бороться за внимание Ксении.

Он продолжал безуспешно бороться с прыщами.

С родителями дело решительно не спорилось. Споры с родителями иногда доходили до сущих скандалов, но всегда с нулевыми, а то и отрицательными для Дани результатами.

С Ксенией было все хуже и хуже,

просто ужасно. Ужасны были новые слухи и новые подробности. Подробности заключались в том, что Ксения не только отсасывала в туалете, но и занималась там же групповым сексом.

Прыщи продолжали выглядеть непобедимыми.

Так эпохальный 12-й год прошел для Дани почти незаметно. Почти незаметно, если бы не одно событие в конце мая. В конце мая был день рождения Киры. Кира, на вкус Дани, была второй красавицей в классе. Класс в усеченном составе явился на дачу именинницы, где собирался провести в разгуле всю майскую ночь. Майской ночью одноклассник Антоха по прозвищу «Pringles» под действием паров алкоголя вдруг похвастался, что «был тогда на Болотной». О «Болотной», так или иначе, слышали хотя бы отдаленно все; от удивления и хозяйка, и гости раскрыли рты и приготовились слушать, да только

неожиданно громко фыркнула Ксения. Фыркнувшая Ксения сказала Антохе: «Ну и дурак!» и потом пересказала всем слова своего старшего сводного брата. Старший сводный брат Ксении считал, что Борюсик Немцов был Ельцинской подстилкой, Миша Касьянов – «Мишей-два-процента», а Навальный и Яшин «полными козлищами», которые и слили весь протест. О протесте, слитым Навальным и Яшиным, спорить с Ксенией никто не стал, ни мальчики, ни девочки. Девочки хотели с Ксенией дружить, к тому же девочкам очень нравился брат Ксении. Брата Ксении девочки видели, когда тот время от времени забирал сестру из школы на раритетной иномарке с хромированными выхлопными трубами. Хромированные выхлопные трубы завораживали и мальчиков, но гораздо больше их заботили ползающие по школе слухи. Слухам свято верил каждый мальчик. И каждый мальчик в душе рассчитывал, что под хмель-

ком Ксения расслабится и эти слухи подтвердит на деле, продемонстрировав именно ему свое особое умение.

В третий раз политика постучала в дверь жизни Дани в 2014 году; на этот раз политика стучала громко и грозно, политика стучала очень настойчиво, целый год политика пыталась всюю обратиться на себя Данино внимание. Даниного внимания политика так и не дождалась. Не дождалась ровно никакого внимания, – Даня снова оставил ее за порогом.

На пороге взрослой жизни он думал о том, как освободиться от бремени прошлого, от бремени юношеских забот, от насущных вопросов, которые он так и не разрешил и теперь собирался разрешить, поставив эти вопросы ребром.

Вопрос ребром – независимость, независимость, независимость!

Вопрос ребром – проклятые прыщи!

Вопрос ребром – сексуальный вопрос!
Вопрос ребром – тварь я дрожащая
или тоже имею право писать?! «Пи-
сать» с ударением на второй слог.

Независимости ничуть не прибави-
лось. Прибавились если не упреки, то
излишне частые напоминания, что на
«бюджет» Даня не сдал и был зачис-
лен на затратное для семьи платное
отделение факультета журналистики
лишь при активном содействии
Якова Михайловича, Даниного папы.
Данин папа когда-то учился в том же
ВУЗе и был на дружеской ноге с рек-
тором.

С прыщами дела наконец постепен-
но пошли на лад, правда и здесь без
каких-либо заслуг со стороны самого
Дани: по всей видимости, организм
после подростковой встряски просто
пришел в норму. Норму новую, уже с
усами, но пока что жидкой бороден-
кой.

Третий вопрос ребром (вопрос сек-
суальный) был с честью и прежде-

временной эякуляцией решен. Не решено было только беспокойство, которое появилось вместе с решением самого вопроса, беспокойство или некоторая ревность. Ревновал Даня свою сокурсницу и по совместительству решащицу сексуального вопроса Иру. Ира, по его мнению, была слишком холодна и только имитировала оргазм, а это время от времени наводило Даню на неприятную, обидную для него мысль, что, возможно, у Иры есть кто-то еще. Кто-то еще, о ком он знать не знает, несомненно, кто-то еще из ее прошлой, школьной жизни, коль скоро девственницей Ира к моменту решения его, Даниного, сексуального вопроса уже не была. Вопрос ребром четвертый был задан самому себе с прямотой прямо-таки философской, дабы единственно возможный ответ (ответ положительный) и, главное, значимость этого положительного ответа ни разу не поставилось бы другими, чужими, иными, читателями под хоть какое-либо сом-

нение. Сомнений собственных в своих силах у самого Дани и вовсе не было. Во все не было и мук творчества, этого пережитка прошлого, которое только мешает писать. Писал Даня сразу целый роман. Роман был в жанре фантастической боевой фантастики. Фантастическое название роману Даня придумал сразу – «Плацдарм четырех лун». «Луна» в Даниной интерпретации была не привычным для жалких, обделенных фантазией обывателей спутником Земли, а пространственно-временной точкой в далекой и таинственной галактике, которая по неизвестной будущим читателям причине использовала посконное земное лунное времяисчисление. Времяисчисление написания романа началось сразу после придумки названия, что случилось в июле. И в том же июле Данины персонажи: русский журналист, американский репортер, арабский дервиш и персидский маг уже окончательно запутались в хитро-сплетениях бесхитростной фабулы.

Бесхитростная фабула была спасена в августе, – Дани пришлось пожертвовать персом. Перса подстрелили подлые инопланетяне с загадочной планеты. Загадочную планету подобное подлое предательство инопланетян поставило вне всякого земного закона. Земной закон окончательно восторжествовал к концу 2014 года, когда первый Данин роман в триста восемьдесят шесть полновесных страниц был благополучно завершён.

В четвёртый раз политика не стала стучать в дверь жизни Дани, – в 2015 году политика вошла в нее с черного хода.

Ход уже привычной и комфортной Даниной жизни нарушило внезапное убийство бывшего ельцинского миньона и вечного тезку – Бориса Ефимовича Немцова. Бориса Ефимовича Немцова Ира не просто уважала, неожиданно выяснилось, что Ира его почти боготворила, потому приняла его смерть как трагедию семейную,

как свою собственную трагедию. Трагедий вообще, любых трагедий с Ирой Даня всеми силами старался избегать. Избегать любой ценой любые трагедии или ссоры, тем паче скандалы, поскольку, несмотря на все свои беспокойства, сомнения, ревность, Даня безмерно ценил уже то, что Ира не валялась бревном, а свои оргазмы хотя бы изображала. И изображать сочувствие дорогой подруге Дане нисколько не потребовалось, — ему было плевать на Немцова (он все еще помнил слова возжеленной давеча одноклассницы Ксении), но он, тем не менее, со всей искренностью, которая у него имелась, соболезновал постигшему его Иру горю. Горе Иры неожиданно для него самого взволновало Даню безмерно, он не хотел терять пусть и страшненькую, как говорили, по его разумению, завистники, но зато безотказную подругу, потому он настроился на ее волну, перестроился, подстроился под ее лад. Лад Иры подразумевал, что сле-

дует непременно отдать должное подстреленному на мосту оппозиционному герою.

Герою беспринципности или попросту оппортунисту фанаты жизни «как при бабушке» скоренько соорудили мемориал, и Даня, не стовариваясь с подружкой, принес туда две жухлые красные розы. Красные розы Ира оценила по достоинству и в благодарность предложила разнообразить совместное времяпровождение анальным сексом. Анальный секс перевел жизнь Дани на новый уровень.

На новый уровень перешло и его противостояние с предками, которые внезапно вдрызг разругались. Разругалась близкими к непечатным словами мать Дани Татьяна Абрамовна. Татьяна Абрамовна случайно обнаружила с ужасом, что Яков Михайлович уже несколько месяцев кряду изменяет ей с какой-то там Катей. Катя, грудастая силиконом и ротастая ботоксом молодуха из нефтяного Сыктывкара действительно существова-

ла. Существование любовницы Яков Михайлович скрывать не стал. Не стал он скрывать и то, что ему надоела вечная мигрень Татьяны Абрамовны, а более того – появившиеся у нее с возрастом усики, которые обещали в самом скором времени превратиться в полноценные гусарские усы. «Гусарские усы» – это было слишком, «гусарские усы» простить было никак нельзя, и Татьяна Абрамовна сперва метнула в мужа тефлоновую сковороду с жареной в ней картошкой с колхозного рынка и только потом картинно указала ему на дверь. Дверь за Яковым Михайловичем закрылась, и родительское войско уполовинилось. Уполовиненное родительское войско уже не представляло столь грозной силы, и, ловко маневрируя между двумя враждующими сторонами, Даня сильно расширил границы своих свобод и значительно увеличил карманную наличность. Наличность свою Даня с осени 2014 года хранил только в рублях, чтобы

она кратно увеличилась после неизбежного падения доллара. Неизбежное падение доллара предсказал не кто иной, как Илюша Варламов, лохматокудрявый фотограф из интернета, одно время сопровождавший в поездках самого президента Путина. Сам же президент Путин помалкивал и, как и следует приемному сыну русской суверенной демократии и особе приближенной к семье царя Бориса, только надувал налитые ботоксом круглые щеки.

Щеки Дани кое-где еще хранили присутствие двух-трех прыщей, но можно было с уверенностью констатировать, что эта напасть осталась в прошлом, зато появилась напасть новая. Новой напастью стала перхоть. Перхоть сыпалась с Даниной головы на его сутулые плечи точь-в-точь как в рекламе всемирно известного шампуня. Всемирно известный шампунь, также как это случилось с всемирно известным средством от прыщей, не спасал. Не спасали ни

шампуни менее популярных марок, ни фармацевтические средства, однако в этот раз Даня не паниковал. Не паниковал Даня, так как его собственный опыт, сын ошибок средней трудности, подсказывал, что перхоть, как в свое время прыщи, может исчезнуть без следа сама собой.

Сами собой не пишутся только фантастические боевые романы – это Даня знал точно, потому, после того как страсти по невинно убиенному Борису Ефимовичу Немцову поутихли, он сразу же принялся за давно замысленный «Древний полет». «Древний полет» должен был стать не просто романом, «Древний полет» должен был стать целой трилогией; действующие лица были все те же: русский журналист, американский репортер, арабский дервиш и персидский маг, которого не убили, а только немножко очень тяжело ранили, после чего его подняли на ноги практически волшебным медицинским образом очень хорошие инопланетяне. Хо-

рошими инопланетянами были добродушные гастарбайтеры, хранители древних традиционных ценностей из далекой галактики, похожие на однажды поделившихся с Даней последней сигаретой узбеков. Узбеки на самом деле оказались таджиками, но – да кто их там разберет – это было абсолютно не важно. Важно, что к концу 2015 года «Ваша бронь недействительна», первая треть трилогии, была завершена.

В пятый раз политика ворвалась в жизнь Дани без стука. Стучать нужды не было, не было нужды ни использовать черный ход, ни лезть в окно или форточку: ее Даня впустил самолично, и она вошла свободно и легко, как легко и свободно входит ароматный дым хорошего табака в здоровые, еще нетронутые выхлопными газами городского автотранспорта легкие.

Легкие и беззаботные дни Дани неожиданно закончились, поскольку жизнь

его неожиданно дала трещину: в июле 2016 года Даню внезапно бросила Ира. Ира взяла академический отпуск и убежала от Дани с экологическим активистом из социальных сетей на далекую Камчатку.

Камчатка – что такое Камчатка? Камчатка было слишком далеко, для Дани она была еще дальше, чем несуществующие планеты его романов. Роман с каким-то там экологом? Экологу, впрочем, Даня оставлял незначительное место в своих тяжелых думах. Тяжкие думы его были больше посвящены радостям регулярного секса, которых он вдруг лишился с уходом, побегом Иры. Ира и ее поступок по отношению к нему, к Дане – вот, что нешуточно беспокоило. Беспокоил поступок, поступок, по его мнению, удивительный и нелепый. Нелепым для Дани был хотя бы тот факт, что она, коренная москвичка, добровольно поменяла ослепительно-блестящую столицу на какую-то там Камчатку. Камчатку далекую, Камчат-

ку дурацкую, Камчатку... ему даже не удавалось толком подобрать слова. Слова «любовь», «семья», «дети» в его голове еще не возникали, но за пару лет Даня привык к Ире. Ира стала кем-то само собой разумеющимся, кем-то, кто будет присутствовать постоянно, и ход вещей когда-нибудь материализует сперва «семью», потом «детей», после чего наступит гармоничная и радостная, как объятие миллионов, как вселенская любовь, жизнь.

Жизнь. Жизнь течет. Течет-протекает жизнь и со временем постепенно и незаметно, но все же меняется. Меняются вместе с ней привычки, меняется вместе с ней поведение.

Поведение человека нынешнего совсем не то, что в минувшие времена. В минувшие времена человек в своей горести или в радости (но большую часть все-таки в горести) бродил по улицам пешим порядком, и пешим порядком человек удрученный мог не

только вволю предаться своим печальным размышлениям (часто характера в высшей степени философического), но также без труда обнаружить в городской среде всю неустроенность бытия и все его несовершенство, созвучное его скверному настроению. Скверное настроение бедолаги иногда так усугублялось после подобного променажа, что он вдруг принимался выдавать себя за императора Наполеона и решался на смертоубийство или вдруг связывался с криминальной компанией с центральной площади города, или вдруг нанимался матросом на чужеземный корабль, оплывающий в далекие страны, или, в наиболее безобидном случае, вдруг мчался от теплого очага на родной Кастрюльной улице в случайную забегаловку, где до самой полуночи изливал свою безутешную душу первому безымянному встречному. И безымянный встречный терпеливо выслушивал от начала и до конца всю историю горемыки, что была в прошлом.

В прошлом такое бывало не раз, но лишь в прошлом. Прошлым недавним, но все-таки прошлым. В прошлом оно и осталось, и там пребывает поныне.

Ныне же все стало по-новому, по-другому. Другое градостроительство и другой ландшафтный дизайн полностью изменили окружающее горожан пространство. Пространство, где падшие женщины падают в специально отведенных для того местах, пьяные падают в крепкие объятия сотрудников внутренних дел и до полного вытрезвления направляются в вытрезвители, а глубокие и широкие лужи незаметно образуются под асфальтом или плиткой. Асфальт или плитка – это здорово, это удобно и красиво. Красиво и удобно ступать-стучать башмаками по плитке.

Плитка с недавних пор и в Москве. Москва теперь совсем походит на декорации кино- или телефильмов, снятых специально для семьи знатных оленеводов и ее подельников, когда

каждую минуту ждешь, что вот-вот откуда-то из-за угла выскочит бесноватый режиссер в бабьих цацках на всех десяти пальцах обеих рук, объявит в мегафон: «Стоп, снято», и художники-декораторы со своими ассистентами наперегонки бросятся на разбор показушной деревни. В деревне, главное, чтобы зимой не случилось незапланированных зимних снегопадов, а осенью внезапно не полили незапланированные осенние дожди.

Осенних дождей, к счастью, не было, – Дане очень повезло, что Ира сбежала от него летом. Летом можно было не слишком оглядываться на непредсказуемую родную погоду, и Даня накручивал на подаренном папой многоскоростном велосипеде километры и километры по веломаршрутам любимой столицы.

Веломаршруты любимой столицы должны были помочь Дане с серьезным и окончательным обдумыванием сложной ситуации с Ирой, однако только

он принимался крутить педали, все его думки, размышления и глубокие копания в мыслях странным образом тут же куда-то улетучивались. Улетучивались они так далеко и надолго, что изо дня в день Даня возвращался к подъезду своего дома с налитыми, как пушечные ядра, икрами, но абсолютно пустой головой. Пустая голова его под поликарбонатовым шлемом не находила ни одного пусть и самого необдуманного решения. Решение не приходило, поскольку давить на педали, смотреть по сторонам, чтобы не быть ненароком задавленным недружественными к велосипедистам автомобилями, и одновременно ответить на вопрос, как вернуть свою Иру с пути экологического на путь истинный, у Дани ни рожна не получалось. Не получалось у Дани, как бы он ни старался, целых две недели. Две недели спустя, исколесив полгорода вдоль и поперек, он случайно умозаключил, что физические упражнения никак не способствуют умственной деятель-

ности, – в противном случае каждый мастер спорта непременно был бы еще и кандидатом наук, а олимпийский чемпион обладал бы статусом не меньше академика. Академиком Даня не был, потому нехитрая эта мысль выжидала аж две недели и осенила его, только когда он в очередной раз собирался на велопрогулку. Велопрогулка подразумевала переодевание в веломайку и велошорты. Веломайка и велошорты уже были натянуты на сухое тело, тело, как полагал Даня, настоящего велосипедиста, когда глаза этого самого тела, взглянули на тело в зеркало. Зеркало показало, что Данины икры значительно прибавили в объеме, чего нельзя было сказать о его черепной коробке. Черепная коробка Дани увеличивалась только при наличии на ней велошлема и напоминала гриб. Грибы Даня любил, но свою голову к ним относить не пожелал, и именно в этот момент до него, наконец, дошло, что дальние долгие поездки на велосипеде нисколько не

приближают его к решению неразрешимой проблемы с Ирой. Ира все также продолжала оставаться недосягаемой, как бы далеко не уезжал сам Даня.

Даня с остервенением стащил с себя велосипедные штотки и переоделся. Переодевшись и не зная, что следует дальше сделать, Даня прилег на диван и закрыл глаза. Закрыв глаза, Даня задумался. Даня задумался и в итоге заснул. Заснув, Даня увидел сон. Сон его был кошмаром. Кошмаром из тех, которые он наблюдал ночами напролет до появления в его жизни Иры. Ира стояла на коленях в мужском туалете Даниной школы и, пуская на засанный кафельный пол густую слюну, делала минет сразу несколькими старшеклассникам. Старшеклассники отчего-то были точными копиями Ксении. Ксения, тем временем, за руку ввела в туалет неизвестного ему заросшего густой бородой мужика в подпоясанном патронташем камуфляже и охотничьей двустволкой за спиной

и, громко фыркнув, возопила: «Обнимитесь, миллионы! В круг теснее становись! Каждый, вторь обеты наши! Божьим именем клянись!»; на этом самом месте своего сновидения взмокнувший от переживаний Даня очнулся. Очнувшись ото сна, Даня с ужасом обнаружил, что давно исчезнувшая поллюция на самом деле никуда не исчезла, она лишь затаилась до лучших для себя времен.

Времена настали тяжелые, от свалившихся на него бед Даня был готов впасть в полное уныние, но его выручил творческий импульс. Творческий импульс дал Дане необходимые силы, и он взялся за вторую часть трилогии «Древний полет».

Полет, как обычно, совершали русский журналист, американский репортер, арабский дервиш и персидский маг с имплантированным спинным мозгом, связанным напрямую с межгалактическим центром космичес-

ких исследований (МЦКИ), который отправил героев на очередное опасное задание.

По заданию МЦКИ храброй четверке надлежало немедленно вылететь на недосыгаемую планету Анири, которую захватила безжалостная тоталитарная секта. Тоталитарная секта прибыла с планеты Йаиголокэ; ее целью было уничтожение всякой неорганизованной неорганической жизнедеятельности и замена ее на жизнедеятельность органическую и организованную. Организованная группа бесстрашных космодиверсантов с Земли должна была этому помешать и таким образом предотвратить будущую вселенскую катастрофу. Катастрофа ждала тоталитарную секту, которая не подозревала, с кем связалась, и когда вооруженные до зубов отважные герои подлетали на сверхвременном галактическом ракетолете к первым естественным спутникам (уже неорганически безжизненным) планеты Анири...

На Даню снизошло озарение. Снизошедшее озарение Дани заключалось в необходимости срочного безотлагательного написания Ире письма или сообщения, чтобы заверить ее в своих лучших намерениях, чтобы убедить ее вернуться в институт и к нему, к Дане, который день-деньской не перестает и не устает думать о ней и об их совместном будущем, которым она пренебрегла до того, как это будущее наступило.

Наступление будущего не терпело отсрочек: Даня бросил роман, немедля взялся за дело – творческий импульс был ему в руку – и в считанный час закончил душераздирающий текст, способный разжалобить камни, разморозить вечную мерзлоту и оросить самую сухую пустыню, вызванным им потоком слез. Слезу пустил и сам Даня, когда поставил последнюю точку.

Точка скоро оказалась всего лишь запятой, поскольку тут же встал вопрос вопросов – приватное письмо или

сообщение в социальной сети, сообщение в социальной сети или приватное письмо, приватное письмо или сообщение в социальной сети, когда любой прохожий зевака может прочитать самое сокровенное, самое изливаемое, самое-самое, на всеобщее обозрение выставляемое.

Выставлять на всеобщее обозрение, прочтение чужими свои фантастические боевые романы Даня тогда еще не осмеливался, хотя его папа и мама, и другие близкие и дальние родственники очень, очень высоко оценили его фантастическое творчество.

Но творчество, сочинительство, фантазерство – это одно, а личное, настоящее, порыв души на разрыв – это совершенно иное, абсолютно отличное от первого, что-то другого порядка, пошиба, рода, склада, розное, которое и близко не лежало.

Лежа на диване, Даня сомневался целые сутки. Целые сутки Даня взвешивал все «за» и все «против», называя их научными терминами «про» и

«контра». «Контра» – была боязнь показаться посмешищем, которым неизменно становишься, вынося личное дело в общественное пространство; «про» – надежда на возвращение Иры и с тем возобновление с ней привычных сексуальных утех. Сексуальные утехы, в конце концов, перевесили боязнь показаться смешным в социальной сети. В социальной сети сермяжного производства, полностью содранной с зарубежной сети Assbook, Даня в анонимном режиме сперва долго и с неподдельной грустью просматривал страницу своей вождеденной сбежавшей подруги. Подруга его, судя по всему, в дурной сети давно не появлялась, отчего стала для Дани еще вождеденнее. Вождедение вождедению рознь, когда вождедение абстрактное отозвалось реальной эрекцией, Даня, наконец, храбро ввел пароль и после идентификации вклеил на Ирину страницу заранее написанный текст. Текст оставался без ответа целых два дня. Целых два дня Даня не находил

себе места, а на душе его скребли кошки.

Кошки, точнее, котята действительно скребли стену у соседки, старой гримзы из числа советской научно-технической интеллигенции, которая разводила шотландских вислоухих себе на «достойные похороны», как она сама это называла, и еще «немножко на пропитание», чтобы свою отправку на погост максимально отсрочить и продолжать портить всем соседям их либеральную и демокраическую жизнь.

Жизнь в полном неведении закончилась для Дани 17 августа 2016 года.

17 августа 2016 года Ира обновила страницу домотканной сети, разместив там свежие фотографии, на которых были запечатлены она сама и ее друг-эколог на фоне умопомрачительных пейзажей Камчатского края. Пейзажами Камчатского края и представлением друга-эколога обновление страницы не ограничилось, – под фотографиями Ира ответила на Данино

сердечное письмо-сообщение. Сообщение, ответ Иры Даню потряс. Потряс его и тон ответа, и его содержание. Содержание в первую очередь, поскольку тон чаще всего можно отнести на состояние адресата в момент прочтения письма, на его скверное настроение.

А скверное настроение Дани было более чем скверным. Скверным было уже то, что Ира, оказывается, ничуть не скучала и чувствовала себя просто отлично. Просто отличным был и весь ее текст. Ее текст казался совершенным, абсолютно выверенным. Абсолютно выверенным содержательно и выверенным стилистически, и Даню-будущего журналиста, Даню-писателя аж третьей книги, творчество которого высоко оценили родственники, открытие, что его страшенькая (пришло ему отчего-то на ум) подруга, оказывается, может, умеет так (!) писать, укололо не меньше... гораздо больше, чем суть Иринога ответа.

А суть Иринога ответа сводилась к пред-

ложению посмотреть хоть раз в жизни чуть дальше собственного носа. Нос, естественно, был не абы чей, – в ответе Иры подразумевался именно Данин нос.

В действительности нос Дани ничего замечательного собой не представлял: нос был ни корок, ни длинен, ни узок, ни широк и пусть пять долгих лет он был прибежищем прыщей, гармонию в чертах лица его ни разу не нарушил и жизнью вне хозяина не жил, – воздухоборником надежным с рождения нос Дане безотказно отслужил.

Экологические проблемы потрясли, сотрясли, перетрясли весь Данин внутренний мир.

Тянулись долгие августовские дни. Часы напролет Даня пролеживал на диване без движения, словно затонувшая лодчонка на дне реки.

Он лежал, закрыв глаза, чтобы не видеть кончик своего носа, который, как он ни старался, все одно попадал в поле зрения, даже когда он всего лишь смотрел в потолок. Даня лежал с закрытыми глазами и думал свои невеселые думы.

Он был не на шутку уязвлен Ириным ответом. Он был еще более уязвлен открытием, что Ира была значительно талантливей, чем он. Он спраши-

вал себя, как он мог этого не заметить, как он мог не замечать этого почти два года. Два года – немалый срок, к тому же они вместе учились, но он ни разу не полюбопытствовал содержанием хотя бы ее курсовых. Непростительное невнимание, непростительная беспечность. И вот она расплата...

И далась ей эта Камчатка. И почему это я должен куда-то еще смотреть. Дальше своего носа. Моего носа. Это куда, к примеру? Тоже на Камчатку? А если я не хочу смотреть на Камчатку? Не хочу и все тут. Имею право.

Она, конечно, вообще... Она, конечно, в более широком смысле. Но это все равно. А я еще, как полный дурак, цветы на мост этому ее Немцову принес. Как тогда Ксюха про него сказала?

Ксения. Ксения... Интересно, что с ней сейчас. Кто-то вроде говорил, что она вроде бы в Швеции теперь учится.

Нет, не в Швеции, в Швейцарии. Одна в Швейцарии, другая на Камчатке со своим экологом трахается, а ты тут один живи. Один... Главное, пока мы вместе были, все с моим носом было в порядке, а как появился этот активист зеленый, так выяснилось, я не туда смотрю. Нет, она всегда такая была. Всегда. Я просто не замечал. Как она тогда по этому Немцову убивалась. словно он ей родственник какой-то. Надо у папы спросить, что он про него скажет. Тоже как Ксения?

Ксюха... Интересно, она и вправду прям в туалете отсасывала? Фигня все это. Наверное, Антоха сочинил. Он всегда был умелец выдумывать. Надо ему позвонить и узнать. Хотя теперь-то уже все равно. Тем более, если она в Швейцарии. Пусть теперь хоть всем швейцарцам отсосет. И швейцарам заодно. Всем швейцарским швейцарам. И еще папским гвардейцам туда же. Что там у них еще? Банкиры, часовщики, сыровары... Еще шоколадники. С этими она аналом в

туалете займется. Вот же Антоха! Точно, это он все выдумал. Вот кому надо книжки писать.

Да, надо писать. Надо писать. Надо писать. Писать... Надо до начала года сесть и дописать вторую часть, а то потом времени совсем не будет. Если поднапрячься, за неделю смогу успеть. Вот только название... Ладно, название можно потом додумать. Может, пока буду писать, что-нибудь придумаю. Обязательно что-нибудь придумаю. А потом за зимние каникулы напишу третью часть. И тогда... И она еще увидит. Увидит. Потом еще пожалеет, когда я стану известным. Увидит меня в какой-нибудь передаче на «Культуре», вот тогда посмотрим. Талант – это только полдела. И даже меньше. Главное – это работоспособность. У меня уже целых два романа. И еще один начатый. Вот так-то. А что у нее? Какой смысл в твоём таланте, если ты по Камчаткам скачешь. Сегодня – Камчатка, а завтра этот ее зеленый ее еще куда-

нибудь утащит. Затащит. Обязательно затащит. Они, наверное, сейчас в какой-нибудь палатке трахаются. Сколько там разница во времени? Кажется, часов девять. Ну точно трахаются. Сами трахаются, а Ирке в ее булки сосновые иголки втыкаются. И комаров, наверное, там полным-полно. Так ей и надо. Сама напросилась. А еще медведи могут запросто съесть. Вот тебе и весь твой талант. Медведю-то все равно, кого жевать. Хоть с талантом, хоть без. Будь ты хоть гений. Медведь-то не разбирает. Что ему какие-то там братья Стругацкие? Он обоих Стругацких сожрет вместе с Уэллсом, Кларком и Хайнлайном, и... И даже не заметит. Сожрет, а потом наложит огромной кучей где-нибудь под сосной или елкой. Вот тебе и весь твой талант. Лежит и пахнет. И мухи по нему ползают. Интересно, а почему мухи ползают, если у них ножки, то есть лапки. Ползают червяки или змеи, а мухи должны ходить или бегать. Это,

конечно, когда они не летают. Вон одна летит. И еще одна. Размазать бы вас всех...

Даня был так задет Ириным открытым письмом и своей собственной близорукостью, что в первый раз в жизни по-настоящему, по-мужски напился. Немножко выпил с горя, как это положено уязвленному женщиной настоящему мужчине в его, Данином, представлении, составленном по лекалам киноиндустрии. Когда следующим утром Даня сблевывал все чуть-чуть выпитое, положив голову на край голубого, как полуденное летнее небо, унитаза, его – между позывами рвоты – внезапно осенило. Даня внезапно для себя решил, что побег Иры – это, в общем, очень неплохо. Или даже очень, очень хорошо, что так получилось, поскольку два пишущих человека, два писателя ужиться под одной крышей все равно никогда не смогут. К тому же Ира писала на порядок, на несколько поряд-

ков лучше и краше него, а жизнь в сени Ириного таланта стала бы, в этом он не сомневался ни секунды, невыносимой для его недюжинного таланта, в котором Даня совсем не собирался себе отказывать.

За два дня Даня пришел в себя и, не откладывая дела в долгий ящик, бросился подтверждать свой талант дописыванием второй части трилогии «Древний полет».

Он никак не смог совладать с эмоциями, которые клокотали в нем, как вода в раскаленном на плите чайнике, после Ириного ответа, и Даня-автор литературно свел счеты, отыгрался, как ему казалось, на бывшей подруге сполна.

Героическая четверка Даниных космодиверсантов десантировалась на Анири и, уничтожая каждого сектанта с Йаиголокэ, с тяжелым боем прорвалась к собору Сапсит Номефнар, главному святилищу цивилиза-

ции Анири, оставив за собой горы мертвых воголокэ, которые умирали в ужаснейших мучениях (и поделом!). На месте, в крипто-библиотеке собора герои неожиданно для себя обнаружили, что из-за программного сбоя, вызванного происками нирг-хакеров, верными союзниками сектантов с Йаиголокэ, МЦКИ совершил фатальную ошибку, и они прибыли на Анири с опозданием в несколько земных минут, что в галактическом измерении вылилось в несколько десятилетий, за которые вся неорганизованная неорганическая жизнь на Анири уже давно была уничтожена. Тогда бесстрашные земные бойцы собрались на совет, где им предстояло разрешить моральную дилемму – оставить ли Анири в лапах сектантов или уничтожить всю планету целиком, дабы другим неповадно было.

Эта глава романа, напичканная примитивными философскими сентенциями, вышла у Дани на загляденье.

Пока он ее писал, название второй части трилогии, как и предполагалось, сочинилось само собой – «Одиночество триумфатора».

Четверка должна была единогласно проголосовать за уничтожение планеты. Герои долго сомневались, спорили до хрипоты и в какой-то момент готовы были скрестить свои лазерные выкидухи, так как, следуя известному всем живым существам земным гуманизму, мало кто был готов взять на себя ответственность за инопланетяноцид анирян, пусть и окончательно потерянных для общей органически-организованной цивилизации. И тогда предел жарким диспутам, наконец, положил хладнокровный русский журналист (протагонист всех Даниных романов). Превозмогая невыносимую боль (русский герой был ранен осколочно-световыми лучами в левую руку), он разъяснил своим малокультурным коллегам из бескультурных стран, что такова печальная неиз-

бежность необходимая для спасения всех окружающих галактик во имя будущего процветания МЦКИ и – самое важное – их любимой родины, планеты Земля. Американец, араб и перс, пораженные недюжинным умом и высочайшей культурой русского журналиста, дружно проголосовали за незамедлительное истребление пропавшей навсегда планеты.

В завершающей главе романа галактический ракетолет землян с дальней орбиты расстрелял смертоносными радиоактивными ультраволнами планету Анири, все ее естественные и искусственные спутники и засеившую на них ударную группировку сектантов, после чего, включив сверхвременную скорость, улетел на свет незнакомой звезды, чтобы воссоединиться с родимым земным домом.

Данина мать и Данин отец в очередной раз высоко оценили творчество своего общего сына. Татьяна Абрамовна оценила выше и больше,

но и Яков Михайлович тоже не отстал, пообещав Дане посодействовать в издании всей трилогии, как только та будет полностью готова.

Правду сказать, родители Даниных опусов вообще никогда не читали. Мама Дани фантастику терпеть не могла и кормилась исключительно русской классической литературой, особо почитая Хвоцинскую, Лухманову и Панаеву. А отцу было вечно некогда: он был пиарщиком в крупном коммуникационном агентстве «Мос-Химар», и ему чуть ли не ежедневно приходилось не только редактировать, но подчас и самому сочинять мегабайты таких текстов, рядом с которыми фантастика сына выглядела совершенной архаикой. Все остальное свое время сидящий остатками волос Яков Михайлович посвящал исключительно сексапильной сыктывкарке Кате без перерывов на выходные дни.

Как-то раз Даня, остановленный вместе с сокурсниками и сокурсницами (тогда Ира еще не сбежала

на Камчатку) на входе в «Пропаганду» непреклонной охраной, вдруг увидел, как мимо них, не допущенных к празднику ночной пятничной жизни, в клуб вальяжно ввалилась веселая компания, возглавляемая не кем иным, как его собственным папой. На Якове Михайловиче были модные узкие джинсы и брендовая водолазка, обтягивающая его плотный живот и нависающие над брючным ремнем из крокодиловой кожи бока; под руку с ним гордо вышагивала ярко накрашенная Катя в юбке, чуть прикрывавшей кружевные резинки черных чулок и розовые шелковые трусики; за ними проследовала такая же супермодная пара.

В тот раз Даня не стал по привычке ругать привычно неприветливых охранников «Пропки», но, скорее, обрадовался, что не столкнулся с родителем и его пассией нос к носу у стойки бара или, что было бы совсем худо, зад к заду на тесном танцполе клуба.

Встречу эту Даня оставил при себе. Ему было стыдно, что отец так нелепо, попросту по-дурацки, совсем не по своим годам, вырядился. Он также не понимал, зачем идти в «Пропку» человеку, который всю жизнь слушал «Deep purple», «Led Zeppelin» и «Jethro Tull». А еще Даня очень посочувствовал матери, которая вне всяких сомнений проигрывала Кате по всем параметрам «девяносто-шестьдесят-девяносто» и по возрасту, и...

Совокупляющихся родителей Даня вообще представить себе не мог, тогда как сексуальные утехы папы с Катей рисовались ему легко, приблизительно в тех же красках, что и приключения Ксении со старшеклассниками в школьном туалете, и где-то в глубине своих тестикул Даня понимал и разделял влечение своего отца к молодой сексапильной провинциалке.

В сентябре 2016 года погода не задалась с первой же недели месяца. На улице было ненастно и прохладно. Татьяна Абрамовна без ожиданий внезапного потепления климата вытащила из стенного шкафа чехлы с осенне-зимней коллекцией и настояла на том, чтобы, во избежание простуды, Даня как следует утепился. Даня спорить не стал: излишнюю в последний месяц заботу матери о себе он отнес на ее сочувствие, сочувствие безмолвное к его заметным, иногда нарочитым переживаниям. Отнес ошибочно, поскольку Татьяна Абрамовна в душе была несказанно рада исчезновению Иры из жизни своего сына. В тихой радости ее была не только и

не столько всегдашняя ревность присущая всем наседкам обоих полов. Во-первых, во-вторых, в-третьих, и так далее, Ира, по мнению Татьяны Абрамовны, ни внешностью, ни манерами, ни умом нисколько не соответствовала ее любимому Дане, совсем ему не годилась, абсолютно не подходила для него, но, главное, после измены Якова Михайловича и его такого неожиданного ухода к другой в ней прочно поселился страх остаться под конец жизни в совершенном одиночестве, в одиночестве близком к могильному, которое непременно должно прийти к ней вместе с женьитьбой сына на такой же для нее другой, на чуждой ей чужой. И когда Ира вдруг перестала появляться, а потом, как она поняла, и вовсе исчезла из жизни сына, Татьяна Абрамовна ни разу ни о чем Даню не расспросила. Она прекрасно видела, наблюдала его переживания, она отпаивала его куриным бульончиком, когда он чуть-чуть перепил, но ни

разу о той не произнесла ни единого слова и только делала все, чтобы стать или хотя бы выглядеть для своего сына не последней, немаловажной, еще лучше – первой, очень важной, необходимой, незаменимой.

В ярко-жёлтой куртке, на которой непобежденная пока что перхоть была не так заметна, Даня уверенным шагом двигался от института к станции метро, искоса поглядывая на юный и молодой женский пол, когда за спиной услышал нечто знакомо-забытое:

– Ого! Это же «Тунец»! Вот тебя и поймали!

«Тунец» – это было еще сносно: обычно в школе для Дани Хека друзья-товарищи выбирали что-нибудь типа «трески», «селедки», «скумбрии» или – в худшем варианте – «кильки» или «бычка» с непременно последующим уточнением «в томате».

Даня обернулся на знакомый голос одноклассника Тимофея Капитанова

по прозвищу «Ефрейтор».

«Ефрейтором» Капитанова прозвал Антоха. Случилось это в далеком пятом классе. Не сразу, а в два захода.

Как-то раз Антоха с Тимофеем повздорили, а потом и вовсе подрались. К изумлению всех свидетелей короткого боя щуплый низкорослый Антоха умудрился поставить под правый глаз своему громоздкому сопернику огромный фонарь, после чего, утерев кровь с разбитой губы, заявил, что Тимоха на офицерское звание совсем не тянет и отныне понижается до прапорщика, «прапора».

Но и «Прапором» Тимофей пробыл совсем недолго. И исключительно по своей вине. Затаив обиду, он с парой старших приятелей-соседей выследил беспечного победителя после уроков, и втроем они отлупили его так лихо, что Антоха почти месяц провалялся дома, играя в приставку, на зависть всем одноклассникам мужского пола.

Девочки зависть мальчиков не разделили, а Ксения, та и вовсе дала Тимофею пощечину и назвала «жалким гаденышом». В те годы Ксения еще не стала самой красивой и желанной девочкой в классе, а то и во всей школе, потому на ее слова никто никакого внимания не обратил.

Вернувшись после долгого отсутствия в класс, Антоха первым же делом разбил Тимохе нос и громогласно перевел его в ефрейторы. Страшного продолжения Антохиной выходки, которого все с ужасом ожидали, к удивлению не произошло. И вообще больше ничего не случилось, хотя сам Антоха еще полгода не расставался с острозаточенным перочинный ножиком. Некоторое время поговаривали, что сводный брат Ксении самолично выломал указательные и средние пальцы на обеих руках обоих старших приятелей-соседей Тимофея, но вскоре, что естественно для юного возраста, вся эта история осталась в прошлом и позабылась даже ее непосредствен-

ными участниками; осталось навсегда – до самого «выпускного» – лишь прозвище «Ефрейтор», иногда «Фореитор», когда кто-нибудь хотел Тимоху особо задеть.

– Здорово, «Фореитор»! – в отместку за прилюдного «Тунца» громко ответил Капитанову Даня и, протянув для пожатия пятерню, более миролюбиво добавил-констатировал: – Давно не виделись...

– Но-но! А то ведь – жил век хеком, да подавился человеком... – не спасовал-сбалагурил Тимоха, вцепившись в протянутую Даней ладонь и одновременно хлопнув его по плечу. – Ты куда?

– Домой, – Даня чуть было не добавил «куда еще?», но вовремя сообразил, что будет выглядеть жалким...

– Спешишь?

– Да нет.

– Тогда покурим. Угощайся, – и Тимоха широким жестом вытащил из кармана куртки в стиле «милитари» сига-

реты «Major».

Он явно хотел произвести впечатление и ему это удалось:

– Это откуда? – спросил удивленный Даня.

– Ирландия, – небрежно бросил Тимоха и, когда Даня вытащил из пачки цвета хаки предложенную сигарету, со значением и произношением протянул: – Authentic.

Тимофей небезосновательно считался в классе знатным путешественником, поскольку вместе с родителями объездил, что называется, «полмира». Ежегодно семья Капитановых открывала для себя хотя бы одну страну, ни одной не посетив дважды.

Капитановы-старшие были выходцами из среды научно-технической интеллигенции и, соответственно, готовились вслед за своими предками беспечно провести всю свою профессиональную жизнь в стенах научно-исследовательских институтов, однако выпускники МГУ первой полови-

ны девяностых, они скоро обнаружили, что загибающая рука рынка уже вцепилась мертвой хваткой в те самые стены, за которыми они еще только собирались решать кроссворды, гонять чай да принимать участие в художественной самодеятельности. Пришлось Капитановым – имя им легион – променять служение в НИИ на служение Мамоне и срочно пере-квалифицироваться в менеджеров среднего звена. Поначалу в иностранных, а с приходом долгожданного «вставания России с колен» в отечественных компаниях, которым они, несмотря на многие и многие «но», в итоге отдали предпочтение из чувства ура-патриотизма.

С этим же чувством беззаветной любви к родной державе не реже одного раза в год семья Капитановых в полном составе (включая «невскую маскарадную» Ляду, а после ее кончины – «русского голубого» Кирюшку) отправлялась покорять дальнейшее зарубежье. Только и исключительно даль-

нее, так как ближнее зарубежье, а именно освободившиеся от многовекового русского ига страны они продолжали наименовать «нашими республиками» и за настоящую за границу не признавали.

Из каждой поездки они возвращались с твердой уверенностью и документальными доказательствами, что каждая посещенная ими страна – это полное убожество, которое не стоит даже мизинца в сравнении с великой Россией. И в каждой поездке они поддерживали как могли свою великорусскость, без усталости организуя всю тургруппу для совместного чествования любого значимого для России праздника, если таковой случался во время поездки, чтобы туристы из остального жалкого мира могли прочувствовать на себе русский дух и ему ужаснуться.

Правда, не всегда получалось, как задумывалось. Иногда выходило совсем худо. Однажды в Марокко на предложение совместно и с размахом

отпраздновать в ресторане гостиницы юбилей 9 мая один из соотечественников внимательно оглядел чету Капитановых, а потом, обозвав «жалкими мэнээсами», послал на все три буквы. Капитанов-старший был готов возмутиться и уже набылчился и сверкнул налившимися кровью глазами, но его супруга по достоинству оценила «мэнээсов» и быстро увела мужа к столу, где их сопливый отпрыск, белобрысый теленок с излишним весом, сосредоточенно мучил овощной салат ножом и вилкой, воплощая собой образцового ребенка из семьи потомственных научно-культурных русских интеллигентов.

Невоспитанным грубияном, который в гостеприимной теплой Эс-Сувейре послал семью Капитановых в единственно правильном и точном для подобной публики направлении, был не кто иной, как автор этих строк.

– И как там Ирландия? – поинтересовался Даня, прикуривая от Тимохиной зажигалки, хотя ответ на свой вопрос знал наперед.

– Да ничего особенного. «Гиннесс» и у нас везде продают, а больше там и нет ничего. Ну, вискарик еще, но у нас он тут тоже такой же есть. В общем, не стоило и тратиться. Можно было б у себя дома, лежа на диване, перечитать «Ирландский дневник» Германа Боля и вообще ни в какую Ирландию не ездить, – небрежно отмахнулся от расспросов Тимоха.

Герман Боль Дане был неизвестен даже под своими настоящими именем и фамилией, но он по предыдущему опыту точно знал, что сама мысль о диване принадлежит не «Ефрейтору», а кому-то из его родителей, поскольку Тимоха увлекался только фантастикой (и не только отечественной), что их в свое время и сблизило.

– А ты чего и как чего? Был где-нибудь? – продолжил свой выпендрез Тимоха.

Делиться про сбежавшую с экологом Иру Даня ни с кем не собирался, но и падать лицом в грязь ему не улыбалось.

– Не, – он тоже перешел на легкий небрежный тон, – работы было много. Выше крыши. Я в полной запарке. Сам понимаешь. Нужно было срочно закончить вторую часть моей трилогии, вот я...

– Скинул бы мне свое что-нибудь почитать, – перебил его Тимоха, – я ж в фантастике лучше твоего шарю. Давай, не стесняйся! Я ж тебе, сто пудов, что-нибудь стоящее посоветую... Гонорары – пополам.

«Ага, сейчас. Разбежался. Да об стену», – произнес про себя Даня, который не только воображаемой славой, но и воображаемыми гонорарами (особенно за будущие экранизации своих романов в Голливуде) делиться ни с кем не собирался. Одно время он в мечтах своих подумывал купить маме розовый «Кадиллак»

(как...), но потом решил, что с нее будет достаточно и...

И Даня долго, долго и придирчиво выбирал в уме подходящую для мамы марку машины. Потом остановил свой выбор на «просто машине», автомобиле как таковом, тем более что прав у Татьяны Абрамовны никогда не было и, учитывая ее годы и состояние здоровья, она их никогда не должна была получить при добросовестном исполнении своего долга врачами комиссии по выдаче справок на получение прав или огнестрельного оружия, то есть при выполнении врачами своих несложных прямых обязанностей, называемых долгом (с большой буквы) всеми теми, кто о своем личном профессиональном долге говорить совсем не любит, пресекает даже малейшее упоминание о нем и очень обижается, если вопрос о нем все-таки поднимается.

– Что? Ты лучше меня в фантастике?.. «Ефрейтор», без обид, но тебе до меня...

– «Сардина», не гони. Ты со мной рядом не стоял, когда я уже всего Беляева в первых классах проглотил.

– Ну конечно, в первых классах... Скажи еще в детском саду... Беляева... из Беляево. И кого еще? Какую еще «Таис Афинскую» вытащишь из пыльной «Туманной Андромеды»?

– Не «Туманной Андромеды», а «Туманность Андромеды». «Вобла», ты же даже название не знаешь, а еще что-то тут...

– «Фореитор», придержи лошадей. Нет, правда, ну не тебе ж меня учить...

– А кому еще, «Килька в томате»?

– «Ихтиандр», ну уж точно не тебе...

Это был обычный спор-препирательство двух одноклассников, знатоков фантастики, который Капитанов и Хек могли продолжать вечно. Тимоха, безусловно, знал предмет на «пять», а то и на «пять с плюсом», но Даня от него нисколько не отставал и, как

писатель (набивать в компьютере мегабайты знаков он начал еще в восьмом классе), достаточно легко манипулировал названиями романов и их персонажами, обидно подкалывая своего менее искусного оппонента. И так могло продолжаться еще долго (в школьные годы такой спор занимал подчас целую перемену), но не продолжилось.

В самый разгар обмена фантастическими колкостями к Тимофею подбежала длинноволосая девушка, обвила рукой его шею, чмокнула в щеку и обернулась...

И Даня остолбенел, – длинноволосой девушкой была его, их одноклассница Кира, вторая – по классификации Дани – красавица в классе, а то и во всей школе после Ксении. Он перевел взгляд с Киры на самодовольно щерящегося гордого за ценный трофей Ефрейтора...

– Что? Кто? Кто это тут у нас? Вау! Говорящая рыба?! Привет «Зебрасо-ме»! – громко воскликнула вторая

красавица класса, и следом продолжила в том же саркастическом духе: Все еще вздыхаешь по этой дуре Ксюхе, бедняжка?

– При чем тут зебры? – Даню задело, что Кира была в курсе его эротических предпочтений, но он сделал вид, что не заметил или не понял ее обидную колкость.

– Не зебры, а зебрасома. Рыбка такая есть. Такая же желтенькая, но молчаливая и не любопытная... – снизошла до объяснения Кира, намекая на цвет Даниной куртки.

Сама она была в бордовой ветровке нараспашку поверх белой толстовки с капюшоном, на которой красовалась синяя физиономия Алексея Навального, сильно деформированная крепким бюстом третьего размера.

– Что съел, «Сельдь под шубой»? – хохотнул Тимоха и, обняв Киру за талию, крепко прижал к себе. – Вот что значит риэл знания! Это тебе не заметки на говносайтах или еще где-нибудь строчить.

Кира училась на биофаке МГУ, а Тимофей в МАИ, и к журнализму они, как и большинство обладателей настоящих профессий, относились свысока, небезосновательно полагая, что всякий настоящий дипломированный специалист обязан обладать умением излагать свои мысли «на бумаге», чтобы донести свои знания и умения до самой широкой публики без участия посредников-прокладок, малограмотных паразитов-пачкунов; к тому же интернет со временем приоткрыл для профессионалов возможность обходиться совсем без борзописцев, дешевых или дорогих.

– Я где-то читала, что профессия журналиста скоро совсем исчезнет, – поделилась своими знаниями Кира. – Бедняжка «Зебросома», ты скоро совсем никому не будешь нужен...

– Однозначно. Это, кажется, на сайте у каких-то хэдхантеров было. Типа теперь вообще кто угодно может в газетах и вообще во всяких СМИ строчить... – с энтузиазмом поддер-

жал подругу Тимоха.

– И дпрочить... – вставила в строку Кира.

– Между строк, – добавил Тимоха, и они вместе залилась задорным смехом.

– Дурачье, – перешел на личности вконец оплеванный Даня.

– Ой, смотри, «Зебросома» обиделась. Тогда мы пойдем, – равнодушно произнесла Кира, потом вдруг взглянула на Тимофея: – Или он с нами?

– Не, у пэйсателя работы – выше крыши. Он у нас в полной запарке. У него трилогия горит... догорает... синим пламенем...

– Так он еще и пысатель? – Кира бросила полный иронии взор на Даниила.

– Да еще какой! Писатель-фантаст. Обещал мне прислать свой последний роман «на почитать»...

– Вау! Вот это да! Если бы знать, если бы знать!

Кира картинно закатила глаза и сделала мхатовскую паузу, но к ее

разочарованию на ее шутку-аллюзию никто и никак не отозвался. Она с удивлением посмотрела на Тимофея, потом с удивлением в степени на писателя Даню, чей взгляд блуждал где-то в области сильно растянутых по горизонтали сусал Алексея Навального...

– Ладно, пойдем, а то опоздаем, – Кира решительно высвободилась из объятий Тимошки, сделала шаг в сторону и на прощание кинула Даньке: – Пока, «Зебросома». Передавай привет Ксюхе!

Вагон метро набитый узкоглазыми скуластыми чужаками, которые, бог знает почему, выглядели очень жизнерадостными, только усугубил чертовски плохое настроение Дани.

Он смотрел себе под ноги, чтобы ни с кем ненароком не встретиться взглядом и не обнаружить, не выдать свое разочарование «этой жизнью», обстоятельством жизни, когда вторая кра-

савица класса с волшебным бюстом третьего размера отчего-то выбрала себе в бойфренды какого-то посредственного Тимоху, Тимку, «Ефрейтора», который тоже все старшие классы мучился чудовищными прыщами на своем толстенном носу. И еще на лбу вечно карбункул горел. Так почему же «Фореитор», а не он, не Даниил Яковлевич Хек (о своих собственных обидных прозвищах он в моменты подобных сомнений и тягостных раздумий никогда не вспоминал)?

И вообще, он же всегда был полным тюленем... А еще та гнусная история с ним и Антохой... Конечно, это случилось в далеком детстве, но все же... Вот я никого не подговаривал избить Антоху... Но мне Антоха фингал не ставил... А если бы?.. Что бы я тогда сделал? Я бы тоже?.. Нет. Конечно, нет. Да и некого мне подговаривать! Конечно, я не стал бы... Никогда не стал бы...

И когда только они успели? Они же в школе вроде бы не очень общались... Ну как все... не больше, не меньше... Или я не замечал? А может, они уже давно?.. Может, они уже в школе, а я просто не замечал? Нет, не может быть. Кто-нибудь что-нибудь да распознал бы. Вон какие слухи про Ксюху ходили... Да нет, это точно Антоха все придумал. Надо ему позвонить и прямо спросить. Заодно расскажу, что Тимоха теперь с Кирой. Интересно, что он на это скажет? Тоже удивится? А что если нет? Что если Антоха скажет, что все вокруг давно об этом знали, и только я один ничего... Только я один не видел дальше своего... моего...

Правота Иры раздражала, и размышлять о своем носе, дальше которого он не видит, потому что не смотрит, Даня усилием воли отказался. Ему пришла в голову мысль отомстить злым насмешникам, вставив их обоих в третью часть трилогии, более

того – сделать Тимоху с Кирой самыми главными отрицательными персонажами. И черной краски не жалеть!

По замыслу Дани, МЦКИ внезапно захватили предатели из числа капитанов межгалактических кораблей. Но главарем заговора был даже не капитан одного из кораблей, а никчемный космический турист Акшомит и его злобная любовница, коварная хищница Арки. С помощью уже знакомых читателям по второй части трилогии нигр-хакеров они сперва завладели личностью доверчивого адмирала флагманского межгалактического корабленосца «Св. Русь», а потом, заманив в западню всю его семью, подло убили. К счастью, дочери благородного адмирала, юной красавице Ксении повезло выжить в кровавой безжалостной бойне благодаря ее старшему брату, который пожертвовал своей жизнью ради будущего любимой сестры и, как это выяснится в самом конце трилогии,

всей земной цивилизации.

В космической спасательной шлюпке мучительно умирающая Ксения в бессознательном состоянии болталась в межзвездном пространстве, когда с ней (со шлюпкой) совершенно случайно вдруг чуть было не столкнулся ракетолет, возвращавшийся на сверхвременной скорости на родную Землю с недосягаемой планеты Анирри. На ракетолете том был высокодуховный и высококультурный (но очень, очень одинокий!) русский журналист, а также его подручные по-проще: американский репортер, арабский дервиш и персидский маг с имплантированным спинным мозгом, который был связан напрямую с центром принятия решений МЦКИ...

На своей станции Даня вышел с гордо поднятой головой: он точно знал, что всех их и не только их, а всех вообще скоро обязательно заткнет глубоко за пояс.

Даня был так доволен собой, что вспомнил о звонке Антохе, который он непременно собирался сделать в вагоне метро, лишь к полуночи, когда подошло время рукоблудия, – можно было сколь угодно надувать щеки в ожидании славы, но тестикулы, щемящие от длительного воздержания, все одно возвращали своего хозяина к одинокой действительности.

Даня набрал номер одноклассника дважды, потом отправил смс и чуть позже перезвонил, в итоге незнакомый мужской голос ему вежливо объявил, что никакого одноклассника Антона «по этому номеру тут больше нет»; незнакомец был настолько вежлив, что выслушав настойчивые расспросы Дани, точно указал месяц приобретения им номера мобильного и напоследок сообщил о какой-то девушке, которая за пару недель до Дани, где-то в конце августа уже справлялась у него о каком-то однокласснике с очень странным погоня-

лом (так он выразился) «Батат».

Только один человек в классе называл Антоху-«Pringles» «Бататом», только один. Всего лишь одна девочка в классе...

У Дани застучало в висках и защемило в сердце, он моментально подумал, что в подобной ситуации ему положено напиться, что он просто обязан напиться, напиться немедленно, напиться здесь и сейчас, напиться с горя вдрызг и в хлам и забыться хотя бы чуть-чуть, позабыть такую несправедливую к нему жизнь. Но выпить было нечего, – во избежание соблазнов Татьяна Абрамовна принципиально не держала в доме ни капли алкоголя. Тогда Даня ограничился сигаретой; он курил, очень глубоко затягиваясь, и безучастно смотрел на развешенные по всем четырем стенам комнаты постеры, реплики афиш к фантастическим кинофильмам. «Метрополис», «Альфавиль», «2001. Космическая одиссея», «Солярис», «Звездные войны», но больше всего Дане всегда нравились постеры к

«Барбарелле» и «Некоторые девочки делают»: на обеих афишах были вооруженные супероружием сексапильные красавицы в красных бикини. Докуривая сигарету, он решил, что дочь благородного адмирала межгалактического корабленосца «Св. Русь» найдут уже окоченевшей...

Даня выбросил окурок в форточку и позвонил Эрику по кличке «Шауляй», своему извечному соседу по парте у математички.

«Шауляй» был литовцем-полукровкой и каждые школьные каникулы всегда проводил у литовских родственников в Шауляе, отчего и заработал свое географическое прозвище.

– Привет, «Гэ-эр», – отозвался на поздний звонок флегматичный Эрик столь будничным тоном, словно они с Даней виделись ежедневно.

Эрик никогда не обзывал Даниила Хека каким-либо другим водным животным, а просто называл его «Говорящей рыбой», которую со временем он, отличник по всем математичес-

ким дисциплинам, оптимизировал до «Гэ-эр».

– Не спишь? – спросил Даня, чтобы как-то начать разговор.

– Сплю и уже давно, а то, что ты слышишь – это я так храплю на чистом литовском...

– «Шауляй», я серьезно!

Даня хорошо знал манеру Эрика разговаривать, но сейчас, как ему казалось, не было места приколам; он был слишком сконцентрирован на себе самом, ему и в голову не пришло, что «Шауляй» был не курсе его терзаний.

– «Гэ-эр», изложи проблему в доступных мне терминах.

– Я только что звонил Антохе, а какой-то тип мне сказал, что его больше нет... то есть номер Антохи – это больше не номер Антохи, а номер этого мужика, с которым я только что разговаривал...

– Антоха в Украину ухал. Уже два года назад. Почти. Год и десять месяцев, если быть точным.

– Куда? – спросил ошарашенный Даня.

– В Украину.

– Зачем?

– Жить.

– Где жить? На Украине? – Даня не верил своим ушам.

– А почему нет?

– Да ладно тебе, «Шауляй», ты же гонишь!

– Это когда я гнал? Что-то не припомню...

Действительно, Эрик мог быть несколько прямолинейным или, скорее, всегда был слишком прямолинейным до, если не грубости, то дерзости, но глагол «гнать» был к нему абсолютно никак неприменим.

Как-то раз, когда Тимохины родители по просьбе классной явились в школу, чтобы рассказать в привычном им русском духе о своей поездке в Бельгию с посещением штаб-квартиры ЕС в Брюсселе, «Шауляй» вдруг поднялся из-за парты и перебил их самым простым вопросом: «Зачем же,

– сказал он, – вы каждый год тратите валюту в таких ужасных странах, если можно поехать в родную глубинку и с пользой для развития региона потратить эти деньги там?» Скандал вышел на загляденье, но отчислить Эрика, который напрочь отказывался извиняться перед бывальыми патриотическими путешественниками, было никак нельзя, поскольку без него ежегодные призы на математических олимпиадах школе не светили вообще никак.

– Так ты это серьезно?

– Я сам его на Киевском провожал.

– Понятно, – протянул Даня, хотя ровно ничего не понял, и замолчал.

– У тебя все? – деловито поинтересовался Эрик, когда пауза Дани стала слишком долгой.

– В общем, да. То есть нет. Я сегодня «Ефрейтора» встретил. Случайно.

– Тоже мне новость. Я его видел пару недель назад. Девять дней, если быть точным. Нет, уже десять.

Даня перевел взгляд с Баниониса на

часы в нижнем правом углу монитора, которые показали первую минуту новых суток.

– И он был не один, – с ехидцей продолжил Даня.

– «Гэ-эр», если ты хочешь удивить меня новостью, что он был с Кирой, ты напрасно теряешь время.

– Откуда ты все знаешь?! – невероятно удивился Даня.

– Одиннадцать дней назад она мне позвонила и спросила, не могу ли я срочно наладить локалку в офисе их... Не знаю, как это у них точно называется...

– «Партия прогресса», – уточнил Даня.

– «Гэ-эр», да ты лучше меня все знаешь.

– «Шауляй», я только уточнил название. Ты же любишь точность?

– Меа сипра. Есть такой грех. Издержки будущей профессии.

– Ну и?

– Что «ну и»?

– Как что? Что дальше-то было?

– Ничего. Пока халтурил, пришел «Ефрейтор». Он там, кажется, какой-то видный пост занимает. Но, может, я ошибаюсь, – ты же знаешь «Ефрейтора». Сплошь пыль в глаза. Как видишь, ничего таинственного. Если бы ты в сетях шарил, она бы тебе тоже позвонила.

– Почему «тоже»?

– Потому что сначала она позвонила Питу и Гурвичу, но они были заняты и отправили ее ко мне.

– Понятно, – протянул Даня, в душе пожалев, что не шарит в сетях. – И что там у них в офисе? Навального видел?

– Нет, но толстовку с его фейсом получил. В качестве бонуса. Могу подарить.

– Зачем же было брать, если передариваешь?

– Из вежливости. Я пришел локалку им настроить, а не на политические дебаты. И еще о тебе сразу подумал. Думаю, «Гэ-эр» очень обрадуется такому подарку.

- Смейся, смейся. А ты, значит, повсеместной коррупцией совсем не возмущен?..
- Слушай, «Гэ-эр», я через три года получу свой диплом и уеду отсюда к деду с бабкой, и что тут будет, мне по одному месту...
- Ну не у всех есть родственники в Евросоюзе.
- Зато границы открыты для всех.
- Понятно, – в очередной раз протянул Даня. – Ну а в офисе-то у них как?
- Ты о чем конкретно?
- Ну как у них там? Что там за люди вообще?..
- Тебя люди какого пола больше интересуют, мужского или женского, или?..
- с иронией поинтересовался Эрик.
- Да иди ты!.. Я ж серьезно, – незамедлительно соврал Даня.
- Женского пола много, но ловить там нечего.
- Это почему?
- Они все мечтают забеременеть от их вождя.

- Ну конечно, трепись больше... А как же Кира с «Ефрейтором»?
- «Ефрейтор» забеременеть не может по определению.
- Ловите наркомана!
- Кстати, есть «гидра».
- «Шауляй», не соскакивай с темы.
- Что ты хочешь, чтобы я тебе еще сказал? Позвони сам «Ефрейтору» и скажи, что мечтаешь записаться в борцы с коррупцией за абстрактный прогресс, и сам все увидишь своими собственными...
- Вот так просто?
- Нет, тебя сначала заставят сдать мочу, пробежать стометровку и прыгнуть с шестом, а если сдашь на норму, еще проверят на полиграфе...
- Я смотрю, забористая у тебя «гидра»...
- А ты как думал? Амстердам, а не местный самосад.
- Сам привез?
- Ага, сейчас! «Гэ-эр», каждый должен заниматься своим делом. И не отнимать хлеб у ближнего своего...

- Ближние... Да я таких ближних...
- «Гэ-эр», у тебя на сегодня все? – вдруг сухо оборвал Даню Эрик.
- А что?..
- Ничего, поздно уже, пока, будь здоров.

Даня недоуменно посмотрел на умолкнувший смартфон и перевел взгляд на краснолицего Баниониса:

- Ну и какого?.. «Пока, будь здоров»... Что это вообще было?.. Пока, пока... И тебе тоже самых лучших пожеланий полный памперс... Главное, он... он все обо всех знает лучше всех... А Антоха, значит, на Украине, и «Шауляй» его провожал... И никому – ничего... Вот же два бендеровца... Ну с «Шауляем» все понятно, а Антоха-то?.. Он-то с чего бы вдруг?.. Поменять Москву на какую-то там Хохляндию... Как он это сказал? «Год и десять месяцев»... Это получается... Так... Получается, что Антоха сразу после выпускного... Ну конечно... Ну конечно, здесь он никогда бы не поступил на бюджет и поэтому поехал

туда... Поэтому и не сказал никому...
И номер поэтому...

– Ты с кем тут разговариваешь? – рас-
трепанная Татьяна Абрамовна в ноч-
ной рубашке и книгой в руке загля-
нула без стука в комнату сына.

– Ни с кем.

– Поздно уже. У тебя разве завтра заня-
тий нет? – ее глаза обшарили ком-
нату.

– Нет, – сочинил автоматически Даня,
чтобы скорее избавиться от матери. –
Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, не засиживайся, –
Татьяна Абрамовна бросила на скры-
тый от ее взора экран монитора
взгляд полный подозрений, самых худ-
ших подозрений, и закрыла дверь
комнаты сына.

Даня прислушался к шарканью материн-
ских тапочек по поскрипывающему
паркету и решил для себя оконча-
тельно, что неплохо бы врезать в
дверь комнаты хотя бы простенький
замок или хотя бы приделать к ней
еще более элементарную щеколду или

хотя бы шпингалет, чтобы не быть застигнутым врасплох...

Закруглив свою дельную мысль, Даня посмотрел уже не на Баниониса, а на аппетитную фигурой блондинку «Барбареллу» в красных трусиках.

И что только она нашла в этом «Ефрейторе»?.. «Фореиторе»... Он же... Но он же всегда был полным тюленем... А еще та история с ним и Антохой... Да чего сейчас об этом говорить? Это же все глупое детство... К тому же Кира, кажется, даже была рада тогда... Не гони... Как она могла быть рада?.. Кира же тогда сказала... Нет, это была Ксюха... Ксения... Ксения... А может, «Шауляй» знает, про это все... про все эти слухи про нее... Или это все-таки только Антохины рассказы?.. Надо было у «Шауляя» спросить... Нет. Нет, только не у «Шауляя»... Но хотя бы нужно было узнать, как теперь с Антохой можно связаться... Что в этом такого? Ничего необычного в этом нет... Все-

таки мы... мы же не просто так... мы же все-таки все одноклассники... И ничего необычного в таком вопросе... ничего... Просто мне хотелось бы поговорить с Антоном... Мало ли какие у нас с ним могут быть общие темы для... для... просто для разговора... Обсудить что-нибудь важное... И это никого не касается... вообще никого не должно касаться... это наше личное с ним дело... наше... личное... И не «Шауляю» в наши дела вмешиваться... Он-то всегда к себе в свой Евросоюз быстренько свалит, а вот мы тут... мы тут... мы... мы... И это ничего не значит, что Антоха уехал в Хохляндию... Совсем ничего... Не смог тут поступить, потому и уехал... Тот же «Шауляй» у нас тут учится, а не в своей сраной Европе... А почему? А все потому, что там бы он никуда не поступил... Никуда... И никогда... Нет, он, конечно, в математике лучше всех шарил... Тут спору нет и быть не может, но шарил-то он на нашем, на русском. Так что –

никуда и никогда. От слова «совсем». Вот и все объяснения. И ничего сложного. И очень даже все элементарно. Все предельно просто. Проще некуда. Как сказал Мастер в бессмертном романе: «Не бином Ньютона». Вот так-то. Мы тоже... мы тоже кое-что можем... И даже не только кое-что... Совсем не кое-что. Совсем...

А Ксюху найдут уже мертвой... то есть не ее... в общем, найдут вконец иссохший труп дочери геройского адмирала уже всю сгнившую и в опарышах... Нет, в герметичной невесомости никаких опарышей быть не может... Интересно, а как там будет разлагаться труп?.. У кого бы узнать?.. Из наших в мед никто не поступал... а жаль... Тут надо бы точно проконсультроваться... вот только у кого?.. У кого бы узнать, как там все бывает?.. Кира... точно... конечно, Кира. Кира – она же на биофаке, она должна все знать... Надо ей позвонить! Надо обязательно ей позвонить... Сейчас, конечно, поздно уже...

Сейчас... сейчас они, наверняка, с «Ефрейтором» трахаются вовсю... «Форейтор», блин... Ну почему же «Форейтор»?! Что б тебя!.. Нет, завтра первым делом позвоню Кире. Сразу! Уже сегодня... «если быть точным»... Уже сегодня. Сегодня. Прямо с утра и позвоню. Скажу ей, что это очень важно... очень... Она же теперь знает, что я не просто... что я – писатель... А «Ефрейтор»... «Ефрейтор» мне просто завидует... Конечно, завидует... Ведь раньше он ей ничего не говорил, хотя сам всегда прекрасно знал... А он ничего... ни слова... Как это она сказала?.. «Если бы я знала»... И даже повторила целых два раза. «Если бы я знала, если бы я знала»... Значит... это значит... «Если бы я знала» – это означает, что если бы она знала, что я писатель, она бы тогда не с каким-то там «Ефрейтором», который ни черта в фантастике никогда не понимал... она бы сейчас со мной... со мной, а не с ним... она бы... я бы... это значит, что это не они, а это мы

бы с ней сейчас... мы... я и она... это мы бы с ней сейчас вобще...

Даня прервал бег своей мысли, ощутив, как кровь девятым валом внезапно прилила в низ живота. Там так и осталась... Он перевел взгляд с недоступной сексапильной Барбареллы на свой выпирающий из штанов пенис.левой рукой в два привычных приема Даня выпустил его из тряпичных оков: налитой от жарких фантазий член высвобожденный покачивался из стороны в сторону, пульсировал вздувшейся веной, словно оживший мухомор. Ладонью правой руки Даня крепко ухватил горячую пунцовую шляпку и принялся самозабвенно дрочить.

Уже назавтра по дороге с факультета домой Даня в вагоне метро зашел на сайт «Партии прогресса» и, трижды перечитав емкие, доходчивые уму любого ближнего, воззвания, согласился с ними на все

сто. И вообще, в партии Дане понравилось почти все.

Во-первых, название: «Партия прогресса» – это не идиотская аббревиатура, которую без специального ключа ни в жизнь не расшифруешь.

Еще больше Дане пришлось по душе, что у партии не было устава. С самого детства Даня хорошо помнил, как дедушка Миша (царство ему небесное) время от времени многозначительно декларировал, что не следует лезть в чужой монастырь без устава КПСС. В такие моменты Яков Михайлович мгновенно взрывался и с жаром принимался клясть коммунистов, из-за которых «мы все» потеряли ту самую Россию, которую «мы потеряли», после чего отец и дитя непременно открывали бурные политико-исторические прения-пререкания, незамедлительно перераставшие в грандиозный семейный скандал. Маленький Даня ничего из той несуразицы не понимал в силу своего незначительного возраста, однако слово «устав» осталось в его голо-

вешке навсегда и навсегда с сугубо отрицательной коннотацией.

И самое важное, первостепенное – у партии напрочь отсутствовала какая-либо программа, и, следовательно, Дане не нужно было навешивать на себя ярлык «левака», «центриста» или «правака».

К недостаткам партии Даня, болельщик московского «Спартака», отнес ее бело-голубой логотип, а также убогую, на грани полной безграмотности, подачу материала. Кроме того, его несколько озадачило, что биографическая справка имелась только у председателя Навального, тогда как прочий «Центральный совет» был представлен лишь фотокарточками. Но наибольшее беспокойство вызвала у него новость о нападении на активиста партии и не просто активиста, но друга и коллегу, председателя Вологодского регионального отделения партии. Дане совершенно не улыбалось, чтобы на него нападали, чтобы неизвестный несколько раз

стрелял в него из травматического пистолета, трижды попадал и наносил серьезные повреждения. Пару секунд он всерьез сомневался в целесообразности своего вступления на скользко-тернистый партийный путь: писательское воображение быстро нарисовало ему «серьезные повреждения» его организмов в самых неприглядных красно-сине-фиолетовых красках. Даня внутренне содрогнулся своей богатой фантазии и уже был готов покинуть сайт «Партии прогресса» навеки вечные, когда в закрывающиеся двери вагона вбежали... влетели два белокурых ангелочка в ярко-красных ветровках...

Даня охнул про себя так громко, что машинально бросил взгляд на соседей, испугавшись быть услышанным. Двойняшки были не старше двадцати шести, возможно, двадцати восьми лет на двоих, но обещание настоящей красоты, красоты с большой буквы, которое часто сопровождает смазливых малолеток и которое еще чаще

остается лишь пустым обещанием, здесь уже было исполнено, исполнено в самой полной мере по самой лучшей мерке; еще чуть округлятся бедра и грудь, пропадет припухлость и поблекнет цвет юных розовых щек, и, конечно же, спустя три-четыре года они навсегда перестанут влетать угорелыми в уходящие вагоны метро. Даня тайком оглядывал шепчущихся сестер, заметил на их ветровках эмблему партии «Родина» и пожалел, что они не состоят в «Партии прогресса», в противном случае у него был бы обоснованный повод обратиться к ним как к младшим соратницам; сперва он коснулся бы насущных и безотлагательных задач их любимой партии, потом перешел бы к непринужденной беседе о том-сем и в итоге познакомился бы, взял под свою опеку, свел дружбу, завел близкие доверительные отношения... с известным продолжением в обозримом будущем... В то же время Даня обрадовался, что юные красавицы были из конкури-

рующей организации, а значит, не мечтали зачать непременно от Алексея Навального, – лицо «Родины», неврастеник Журавлев в расчет им не брался: в качестве героя-любовника этот издерганный старпер выглядел чудовищно, чудовищно потешным. «Нет, все-таки жаль, что они не с нами», – с горечью скоро передумал Даня, продолжая искоса разглядывать соблазнительных представительниц «Родины», и тут же очнулся, – сам-то он, Даниил Яковлевич Хек, был сам по себе, ни за прогресс, ни за «Родину», ни за... Кончик его собственного носа мелькнул у него перед глазами.

Поздним вечером того же дня Даня, окончательно отбросив сомнения, заполнил регистрационную форму на сайте «Партии прогресса» и, дважды перекурив это дело, кликнул на кнопку «отправить данные».

Так, хмурым сентябрем 2016 года Даня сам, по своему собственному почи-

ну окунулся в политику, которая, по свидетельству одного головастого и бородастого древнего грека, не создает людей, но берет их такими, какими их создала природа.

Иными словами, – уж каким родился, таким и пригодился...

Ссылка на анкету. Пришла. Заявление есть. Они были исправно и без помарок заполнены. На белоснежной бумаге распечатаны. Вдвое сложены. Вложены в конверт. Отправлены. Почтой России. В «Партии прогресса» центральный совет. Адрес: Москва, улица Ленинская слобода.

Рубикон перейден и мосты сожжены. Все корабли в топку! Впереди. Новая. Жизнь. Очумение первых дней. Восторг неофита. Голова горяча. Голова непокрыта.

Бьет в висках словоблудие: «Партия Прогресса создана теми и для тех, кто хочет реальных перемен. Граждане России достойны жить в стране,

которая помогает чувствовать себя в безопасности, реализовывать свой талант и гордиться уровнем жизни, а не рейтингом президента. Мы знаем, как сделать такую страну». Радостно жить в подобном бреду.

И Даня того же желал. Желал страстно. Желал жить. Желал в стране. Желал перемен. Ждал перемен. Ждал, чтобы гордиться. Ждал с нетерпением. Ждал недолго. К чему гордиться рейтингом?! К чему гордиться президентом?! К черту президента! Мы – его власти оппоненты!

Зачем ждать, когда можно гордиться уже сейчас? И Даня гордился. Даня гордился своим вождем. Его вождь Алексей. Его вождь Навальный. Вождь. Навеки. Вождь. Всегда. И вождь навсегда. Вот его жизнь. Вот его судьба. А вот... его многочисленные «дела». К чертям собачьим! Истина Дане нужна не была.

Даня негодовал. Даня сжимал кулаки. Даня сыпал проклятьями. Проклятье.

Всем. Всему. На всех. Проклятье подлым взломщикам почты вождя. За то, что подняли руку. За брошенное пятно. За очерненное имя вождя. Жарься в аду, хакер Хэлл! Уже только за то, что посмел.

Память вернула Ксюхи слова. Дача Киры. Двенадцатый год. И сводного брата авторитетное мнение. Тогда все смолчали. В этот раз не то. В этот раз Даня назвал их слепцами. Неразборчивыми молодыми глупцами.

Следом в них записал Шауляя. Далее Антоху по списку. А вместе с ними всю Украину. Не будет вам больше Донбасса. Не будет вам больше Крыма. Ни Крыма, ни бутербродов. Накось, выкуси, чубатый хохол! Нука быстро на хер пошел!

А мамины бутерброды вкусны. Мамины бутерброды на славу. Мамины бутерброды в жизнь никому никогда ни за что не отдам. Разве что преломлю бутерброд с Алексеем Навальным. Остальное все скушаю сам.

И вскорости партия вызвала Даню. Партия срочно нуждалась в деньгах. Буксовал без подпитки прогресс. Партия и деньги – близнецы-братья! Навальный говорит «партия» – подразумевает деньги. Навальный говорит «деньги» – подразумевает большие деньги. Повесы-балбесы, карманы наружу! Деньги – «Партии прогресса» нерв. Деньги – ее станова я жила. Только в евро су щая правда. Только в баксе настоящая сила.

Скрипнуло сердце. Но Даня не крохобор. Даня не скупердяй. Без проволо чки. Срочно. Виртуальный полтинник. На Яндекс-кошелек. Получатель – «Партия прогресса». Сделал дело Даня. Выдохнул. Гордо поднял голову смело. Но устыдился тут же. И вот следом за первым второй полтинник. Моментально. Падает. Партии. На ее расчетный счет. Ведь Даня – не скряга. Даня вовсе не жмот. Даня – совсем наоборот.

Минула неделя. За ней три дня. И вновь партия ждет. Партия. Ждет.

Вспоможение. Снова родная партия на бобах. Снова без денег прогрессу амба. Даня вздохнул. Вздох Дани глубокий был слышен. Услышан. Соседями по метрополитену. Но как сказать своей партии «нет»? И «Большой театр» был с тем вздохом отправлен в ответ. Повтор истории – ее родовое свойство. Повтор – учения строгий отец. Автоплатеж – лучшее решение. Подключишь удобную функцию и сразу увидишь жизнь без тревог. Протянешь «Альфа-Навальному» руку – он ее тут же отхватит, а заодно отхватит и пару ног.

И все ж, несмотря на все, Даня верил в партию свято. И в прогресс особенно свято верил Даня. Еще больше Даня верил в вождя. В вождя Алексея. В вождя Навального. Потому регулярно. Потому перманентно. Потому перечислял. Перечислял. Перечислял. Перечислял. Перечислял. Холодной зимой у Дани в кармане царила весна. Деньги карманные таяли словно снега.

Так минул шестнадцатый год. Так год семнадцатый наступил. И вдруг. И внезапно. И неожиданно-негаданно. Оглушающим громом в мартовском небе прозвучала небывалая весть. Димон – он больше совсем не им, прознал народ-интернет взна-весть.

Димон, он не им, не вам и не нам. Димон не ей, не ему, не мне. Димон – яйцо, живущее в утке. Той самой утке, что прячется в зайце. А заяц сидит в сундуке. Сундук тот висит на высокой сосне, которой название – «дуб». В усадьбе Миловка под городом Плёс сосну ту нашел правдолюб.

Народ-интернет разинул рот. Народ-онлайн всплеснул руками. Глаза его залезли на лоб. И нет доверия вовсе ушам. Народ-рунет – Аким-простота. Еще вчера у него был Димон, а сегодня более нет Димона. Еще вчера Димон ему был совсем как свой. Сегодня Димон – лишь дым над водой.

«Smoke on the water, fire in the sky...».

Хуже воровства только простота. Святая простота – хуже разбоя. Народ-рунет был обижен. Народ-рунет возроптал не на шутку. И вот 26 марта Народ-рунет вышел из себя. Вышел из себя, от себя на улицу. И в кой-то век. Вместе с толпой. На площадь. Пушкина. Вперед. Нос задран вверх. Вперед. Грудь колесом. Из дома выполз поутру униженный и оскорбленный человек. Им был не кто иной, как Даня Яковлевич Хек.

Протест.

Демонстрация.

Кар-на-вал!

Хорошо стоять бок о бок с френдами. Задорно горланить лозунги вместе. Пар изо рта: «Россия будет свободной!» Пар из ноздрей: «Россия без Путина!» Еще раз, чтоб аж заложило уши: «Это наш город!» Бузина в огороде, в Киеве батька. Вот это да! Вот так веселье! А «Шауляй», а Антоха... А Антоха – просто чудак. И Ксения тоже чудачка.

Что? Где? Когда? Уже? Космонавты. Темно-синее море. Дюжие молодцы. Как на подбор. Шлем, дубинка, щит. Из толпы вытаскивают за шиворот. Бьют тяжелым ботинком по щиколотке. Как? Почему? Зачем? Что мы такого?.. Что мы такое?.. За что? Нука живо в автобус, либеральнейшее говно!

Одного за другим, невзирая на возраст и пол. А тех, кто и там качает права, – по шее и рожей в пол.

Толпа негодовала. Толпа металась в беспокойстве. Полные легкие набрала. Что есть сил крикнула. Что есть мочи гаркнула. Гневно. Смело. Кинула в маски космонавтов прямо: «Позор! Позор!» Те блеяние не оценили, признав его слишком легким. И продолжили свой произвол.

Каждый задержанный достоин восхищения. Каждый задержанный достоин всяческой похвалы. И каждому. Задержанному. Стадо. Аплодирует. И Даня вместе со стадом. Хоть и спрятался в стадо поглубже, но все ж

аплодирует, аплодирует, аплодирует. Никакой мир. Никогда. Не видал. Такого представленья! Такая простая работа: мочить оппонентов под их же аплодисменты.

Скоро прореживались ряды протестантов... Но что это? Где? Где? Вот там. Вдруг где-то сопротивление... Сопротивление? Не может быть! Нет! Нет! Только не надо крови. Крови только не надо. Кровью не нужно портить мирный протест. Нет насилия! Нет! Нам здесь вовсе не нужен «Майдан». И «Небесная сотня» совсем не нужна. Она нам совершенно чужда. Даня, он не хотел пострадать на майдане. Даня хотел скорее вернуться домой. Назад к бутербродам. И к своей маме.

Судьбу не искушать – мудрое решение. К тому же вдруг замерзли ноги. И бочком... К тому же вдруг замерзли руки. И бочком, бочком... К тому же взаправду саднило в горле. И бочком, бочком, бочком... Попятился Даня на попятную. Для вида спросил у соб-

рата про ближайший туалет. Вежливо поблагодарил в ответ.

Выбрался из протеста и дал стрекача. Секунда прошла, а его уже нет.

А вечером дома, в теплой жилетке на спасенном теле, Даня уписывал бутерброды. И очень живо. И в красках ярких. Маме описывал, как вместе с Навальным он до смерти испугал самого президента. Чем до смерти напугал свою маму. Ведь мама Дани была только Даниной мамой. Всего лишь и только мамой. Просто мамашей-наседкой, ни дать ни взять. Это у Павла была настоящая Мать.

Фантазия Дани не имела границ. В помощь пришло вдохновенье фантаста. Десяток тысяч манифестантов в его повествовании вдруг стали миллионом. Жалкий Навальный обернулся героем былинным. А аплодисменты превратились в беспощадный рукопашный бой. Взволнованное матушки лицо лишь больше распаляло

воображение Дане. За страх испытанный, за ужас свой, за свой позор он отомстил сполна своей родимой маме.

Внимательно. Сына. Татьяна Абрамовна слушала, не понимала. Небогатые мысли ее разбегались в стороны. Немые вопросы множились. Ответа не находили. Любимый сыночка сегодня жизнью рисковал. Родная кровь моя могла пролиться. Зачем? К чему? Когда так славно мы живем. Едим от пуза, сладко пьем. Загоскина читаем и немного даже шьем... Что хочет он? Что ждет? Чего же боле ищет сын в своем краю родном?

Тянулись дни. Недели шли. Бежали месяцы. Летели годы...

Учет взносов в кассу партии, учет взносов в многочисленные фонды многочисленной семьи Алексея Навального Даня строго упорядочил. И самым лучшим образом. Самым надежным способом. Аккуратный

Даня создал для своих вспоможений таблицу в MS Excel. С тех пор каждый его перевод в компьютере прочно навечно засел.

А чтобы лучше и больше вносить, подработку Даня брал всякую смело. Подработку всегда. Подработку везде. Подработку хоть бы и в ленте новостей. И как-то на сайте Каспарова-ру рьяно взялся за дело. Его первая. Его заметка. Пролила свет. Поведала миру. Проинформировала об ужасном событии: «На активиста составили протокол за неповиновение полейцеским, пришедшим в 7 утра». Впрочем, никто не сторел со стыда.

Также умно организовал Даня свое присутствие на митингах, манифестациях, демонстрациях. Он с радостью обошелся бы и без них. Видит бог, Дане хватило сполна и первого раза. Но совсем не участвовать он, увы, не мог.

Во-первых, девушки очень сильно и много любят героев. Во-вторых, как

обойтись фантазеру-фантасту без патетического рассказа? Решение пришло очень скоро. Алгоритм поведения Дани был очень прост. Несколько лозунгов особо зычноголосых. С десяток селфи с друзьями. Два-три-четыре видео. Дежурный вопрос про ближайший туалет. И только Даню и видели.

Ученье, тем временем, шло своим чередом. До диплома было рукой подать. И эта рука. Рука борзописца. Рука Дани набивалась надежно. Успешно. Все писалось в строку. Заметка, статья, обзор, интервью, репортаж, некролог. Дрессировка журналиста всегда полезна. Дрессировка журналиста всегда нужна. Для любой галиматьи всегда полезен, всегда нужен самый бойкий слог.

Однако. Были изъяны. Однако. Случились потери. С последним романом трилогии у Дани выходило очень скверно. У Дани ничего не выходило.

Смена героинь. Частая. Нехватка времени. Острая. Проблемы личные. Не разрешенные. Вдобавок малость, чуть, чуть-чуть ослабло Дани само-мнение. Все это в купе тормозило простейшей фабулы развитие. И звездо-лета продвижение.

Но были вещи и похуже. Много хуже. Гораздо. В интимном вопросе. Все. Было. Отчаянно. Плохо. Катастро-фично. Трагично.

С побега Иры минуло почти четыре года, но смена ей никак не находилась. К вящему удовольствию Дани-ной мамы. Беда одних есть часто радость для других. Даня же был безутешен. Его случайные и редкие соития скорей давали повод для печали. И если б правда оказалась у попов, то Даня стал бы слеп давно. А на его натруженной ладони давно разросся бы густой волосяной пок-ров.

И все ж... И все... И... И все течет. Все изменяется. Как изменяется, меняется к концу лета вода в подмосковной речке, куда не войти дважды от пестицидов, дефолиантов и прочих дачников. Ну разве что утопиться. А трижды вообще не стоит и пытаться. Иначе точно сразу подхватишь какую-нибудь заразу. Хотя ничто. И никогда. Не ясно наперед. А жизнь тем временем течет. И вот...

Вновь, как и восемь с лишним лет назад, на даче Киры Даня оказался. Был в августе он через почту приглашен открыточкой пахучей и цветастой. Официальной. На помолвку. Жених – «Ефрейтор»? Вовсе нет. Избранник – некий Гриша. Гриша Фишман, светило будущей биохимической науки. Хек шутку жизни оценил. Купил торжественный букет. И в электричку сел, чтобы в Москве не помереть со скуки.

Встречали Даню как родного. Был крепко обнят он и трижды рас-

целован Кирой. Да так, что Даня пожелал ей замуж выходить ежесекундно. Затем он церемонно был представлен жениху, который сразу стал запанибрата и с задней мыслью пошутил: мол, каждый Фишман видит Хека издалЕка.

Потом пошли сокурсницы, сокурсники невесты, три одноклассницы, коллеги жениха, еще какие-то знакомые, друзья, случайная далекая страшная сестрица и... Она.

Она.

Она. Она была соседкою по даче. Она... Она... От восхищения в носу дыханье сперло. В том самом носу, дальше которого Даня когда-то не видел. А теперь. В полутора метрах от этого ничем не примечательного носа стояла дивная она. Она – прелестница. Она – вершина совершенства. Венец творения. Зенит. В мгновенье Даня онемел. Да видит вездесущий бог, чтоб описать ее, язык фантаста слишком жалок, скуден. Тому потребен лишь поэта лирный слог.

*Но автор, увы, не пишет,
и благородная лира
в его голове не звучит,
в ней шумят только звуки сортира.
Тем, кто скажет, найдутся и там
реприза, аллегро, синкопа,
я руки никогда не подам, –
покажу свою голую ... .*

Итак, она... Она. Она. Она была прелестна. Копной волос волнующе волнистых золотиста. Бела лицом и голуба очами. Изрядна ростом. Выпукла персями. Легка и гибка станом. Округлость бедер радовала взор. Как выше было сказано: венец. Венец творенья без малейшего изъяна. А имя было ей – Оксана.

Оксана. Услышал имя Даня верно, хотя сперва в своих ушах засомневался. Была та Ксения, теперь пред ним Оксана. В уме провел сравнительный анализ скорый Даня. Чудесны были обе разной красотой. Вот только Ксюха никогда себя не облачила б в футболку с головой любимого вождя.

Но это та, а эта... Сподвижница, соратница, духовная сестра.

Все качества сложились в ней одной. К тому же та была далече, а эта рядом. В метре. Под рукой.

Горой шел пир. Вино лилось и проливалось. Деликатесы таяли во ртах. Дороги были широки. Чадили косяки тугие. А модные хиты перебивали славословья, напутствия невесте, жениху. И только Даня, что в бреду, не отводил с Оксаны глаз. Как мог ухаживал за ней. От остальных гостей берег во сто крат пуще берега. Пил в меру. Только для приличья. Других веществ не принимал. Не из боязни потерять свое обличье, — у Дани без того шумело в голове, а в чреслах волновалась, закипала кровь. И даже про себя не произнес заветного он слова, но понял сердцем, что к нему пришла любовь.

Татьяна Абрамовна. Заподозрила. Неладное. Сразу. Даня с блаженным лицом бродил по квартире. Он то внезапно останавливался и подолгу стоял, подперев спиной шкаф. То также внезапно садился на стул. Тут же вскакивал, чтобы устроиться в кресле. То вдруг. Без видимой причины. Со стены на стену. Перемещал свои афиши. И моментально все бросал, едва заслышав телефон. После чего, «не пообедав», стремглав бежал из дома вон.

А телефон в последнее время названивал Дане громче и чаще. И разговоры его тянулись много, много дольше. Слишком часто, по мнению Даниной мамы. И главное, неоправданно долго. Неоправданно, но легко объяснимо. Хоть это толкованье она не принимала, она уже уверена была, — случилось худшее. Отрывалась. Оторвалась. Навечно. Уходила. От нее. Ее родная кровь. И даже про себя она то слово умолчала, но материнским сердцем поняла, что Даня, сыночка ее,

нашел свою любовь.

И Данина жизнь обрела новый смысл. Новое направление. Болото обратилось в реку. Разноголосица выстроилась в мелодичную песню. Даню переполняло чувство. Он рассматривал его с робостью, словно это был хрупкий объект, который вот-вот повредится. Подчас, беспокоясь о превратностях будущего, Даня страстно желал, чтобы никакого будущего не было вовсе. Чтоб все вокруг застыло навсегда. Чтоб время упокоилось. Само себя свело в могилу. И прекратилась сует суета.

Жизнь новая и новые напасти. Блуждали Дани мысли. Отказывали сосредоточенью. Он брался за работу-подработку и с трудом сводил два слова. Вернулся вдруг к трилогии своей, где героиней предстояло теперь быть Оксане. Тщетно! Клавиатура выпала из его дрожащих рук. И голова кружилась как в тумане. И сердце

трепетное билось: тук-тук-тук, тук, тук.

Будто сомнамбул, Даня бродил. Переходил из комнаты в комнату. Под наблюдением цепких маминых глаз. Татьяна Абрамовна отрывалась от книги, приподнимала очки, смотрела на сына. Взгляд ее казался спокойным, но только казался. Даня краснел. Даня отворачивался. Даня изображал какое-то дело. Хотел выглядеть бесстрастным. Получалось плохо. Из рук вон. Отвратительно. Но вот – звонок, телефон, она. Она ждет, зовет. Жить хорошо. Восхитительно!

На дачу к Оксане. Быстрее! Скорей! Такси желтое. Водитель черный. Чернее ночи. Чурка слушал «Русское радио», хоть великий язык ему был не знаком. Ни язык Пушкина, ни сам «наше все». У них же одни омары да хамы. В итоге въехали в длинную пробку. Даня сидел нетерпеливый, как на иголках. А пловоед проклятый в навигатор тыкал паль-

цем. И все без толку.

Визы. Скорей! Как говорит святой Алексей. Ввести бы въездные визы для каждого черножопого. Чтобы нас, москвичей, возил бы не бухарский чучмек Абдулла, а милые, родные чумазые Гришка, Ванька, Никитка, Васька. Из какой-нибудь Рязани. Или какого-нибудь Орла.

Вечер упал. Наконец-то дача. А там она. Прекрасная. Ненаглядная. Желанная. Оксана. Встреча. Теплая. Горячая. Жаркая. Поцелуй взасос. И первый же вопрос: «Как там у него? Что нового слышно? Жив?» Жив! Жив! Жив курилка. Путин über alles. Меркель über alles. Завклуба русско-немецкой дружбы и дочь пастора – это сила! Напару спасли нашего Навального. Спасли. Нам. Наше. Все. От радости голову кружило.

А ночью вскружилась голова пуще прежнего. Скоро была отодвинута крайняя плоть, и на двуспальном родительском лежбище под тюлевым бал-

дахином с бахромой и кистями понеслось буйство плоти карьером. Оксана внизу, Даня сверху. Оксана над ним, Даня под ней. На полдлины или до самого нутра. Сбоку. Справа. Слева. Спереди. Сзади. Даешь Кама сутру от заката и до утра!

Ахи да охи. Глубокие вздохи. Каза-лось, от стонов должны вот-вот обру-шиться стены. Но трехэтажную дачку папашка Оксаны выстроил монументально, крепко, на века. Видать, не зря получал в честной столичной мэрии подряды на ЖКХ.

А с первыми птахами уже пора вос-вояси. Быстрые сборы. Долгие про-воды. Жаркие поцелуи и фрикции. Опять эрекция. На прощание еще разок в полной амуниции. И быстрым ходом к ближайшей станции. Тревожить родителей, у Дани резона не было. Когда подружке только минуло пятнадцать лет, с семьей знакомство лучше отложить, чтобы судьбу не искушать. В конце концов, ведь могут посадить...

В пустой электричке клонило в сон, но сердце играло праздник. Даня много любил. И был очень много любим. И жив, жив, жив Навальный! Живой! Живехонький! Назло. Всем. Нашим. Врагам. Сердце билось. Сердце стучало. Под толстовкой с головой вождя на груди. И с гордостью Даня смотрел вперед и по сторонам. А напротив толстяк в растянутой майке и с косоглазым сенсеем на ней. Что? Какой еще, к лешему, «Хо»?! Смотри-ка сюда, живей!

Вот это – Навальный. Вот это – наш вождь. Наша совесть и честь. Наш ум. Какой там «нацист»? С чего это вдруг? В нацизме ты, дядя, полный профан. Ты в нем совсем ни бум-бум. Я знаю нацистов лучше других, – я же немножко еврей. Нацист – лишь тот, кто с евреями крут, а черножопые, чурки, хачи, грызуны и хохлы в счет совсем не идут.

Тебе подтвердят Шендерович и Гозман, Яковенко и Фейгин, Кох, Кац, Каспаров и Берг. К тому же Алеша

потом извинился, а все обвинения отверг.

Но неприятный сосед на том не унялся. Он объявил, что Навальный – проходимец и вор. Объявил не тихо. Объявил громко. Объявил так громко, что его услышал весь полупустой вагон. Взбешенный Даня подпрыгнул на месте. Взбешенный Даня сверкнул глазами. Взбешенный Даня сжал кулаки. И лишь таинственный сенсей на круглом пузе грибника не дал поступку Дани совершиться. К тому ж другие пассажиры внезапно дружно вклинились в беседу. И к изумлению его, все, как один. Все. Вместе. Скопом. Все оказались заодно с его помешанным соседом.

Пытался Даня возразить, но его голос вышел слишком слабым. А аргументы Дани были слишком легковесны. Алешины трусы, отравленные ядом, вселенского сочувствия не вызвали, но вызвали издевки или смех. Да острое и красное словцо. Напротив, выпад толстяка звучал трубою

иерихонской над пошехонской стороной. Его тяжелые слова звучали однозначным приговором. Грибник вещал совсем не для утех. Не для веселья публики тупой. Он тщетно тщился прекратить умов приятное безделье, любовь извечную и безграничную к вождям и восхищение толпой.

Подобные встречи часто рожают сомненья, и исключением Дая не стал. К тому ж, найдя любовь в лице Оксаны, его общественный порыв и без того не шибко страстный чуть... сильно ослабел, ушел на задний план. Он больше размышлял, о том, как бы свести знакомство с предками подружки, и как потом создать семью свою. Трудиться от зари и до зари. Служить, прислуживать... Писать заметки, новости, статьи. Все, что потребуется и кому угодно... Не пахнут ни рубли, ни доллары, ни евро, ни фунт и не швейцарский франк... А принципы? Все принципы

– глупы и очень старомодны.

Затем пройдет, быть может, год-другой иль третий – трилогию закончу и продам издательствам, Мосфильму, Голливуду... Известным и богатым стану, буду... И будем жить вдвоем с Оксаной счастливо и очень, очень, очень долго. Она с детьми, а я за письменным столом... И рука об руку дойдем до самой боговой делянки, где наши внуки утрут слезы рукавом.

План жизни был продуман хорошо. И Даня медленно, но верно пошел размеченным путем. Во всем Оксане потакал, чтоб не спугнуть судьбы везенье. Отдал свой голос очень умно. Кому? Куда? И почему? Какие могут быть причины?! К чему вопросы задавать, когда наказ был дан вождем. Потом с Оксаною вдвоем из Внуково во весь опор до Шереметьево бежал. С толпою взбалмошной смешался и изо всех сил заорал: «Позор! Позор! Позор! Свободу!» Таким неистовым борцом он и запомнился «народу».

Таким неистовым борцом он и запомнился Оксане. И сразу после выпускного бала он официально был представлен папе, маме...

Даня был счастлив. Счастлив!
Счастлив! Счастлив!

Даня ликовал. Так в глубине души ликует зодчий, охватывая взглядом отстроенное своими руками здание, в которое он вложил все свое умение, все свои силы, и испытывая при этом небывалое доселе глубокое удовлетворение от своих трудов.

Его счастье было по-настоящему заслуженным. После несбывшихся надежд на «дружбу» с вожделенной одноклассницей Ксенией, после вероломного предательства сокурсницы Иры...

А как еще назвать ее оскорбительное бегство с каким-то экологом на Камчатку, далее везде?

После нескольких лет одиночества,

после мозолей на натруженной ладони правой руки и растяжении левого запястья, после надорванной от чрезмерного усердия уздечки... Наконец-то Даня был вознагражден. И вознагражден сполна.

В семье Оксаны его встретили с некоторым удивлением, но без какой-либо враждебности, хотя будущий тесть, как про себя называл Оксаниного папашу Даня, несколько раз толсто и неуместно намекал на скоропалительность и, главное, преждевременность выбора своей любимой дочери. Впрочем, дальше шуточных намеков дело не заходило, и никаких препятствий будущим «молодым» отец Оксаны не чинил, согласившись с супругой, что, если уж на то пошло, то выпускник ВУЗа предпочтительнее сопливых первокурсников без царя в голове и косяками в вене.

Много хуже было с Татьяной Абрамовной, которая при встречах с Оксаной нарочито изображала доброжелательность, но одновременно вдруг

стала регулярно и подолгу хворать. А недужила Татьяна Абрамовна так, что об этом узнавали абсолютно все.

В квартире не стало отбоя от невесть откуда взявшихся дальних родственников, старых, в прямом и переносном смысле, подруг, коллег по работе, а когда не хватало и их, на смену приходили соседи по дому или вовсе незнакомые, пропахшие ладаном тетки с соседнего подворья.

Все они со скорбными лицами вторили непочтительному сыну Даниилу о слабом здоровье Татьяны Абрамовны, о неутешительных диагнозах неведомых врачей, щедро делились советами и рецептами веками проверенных чудодейственных народных средств и под конец на один покрой непременно поминали четвертую заповедь.

Встревоженный таким поведением матери, Даня обратился за советом к отцу.

Яков Михайлович уже два года как был заменен Катей на более перспективного молодого воздыхателя и про-

живал в одиночестве, и Даня втайне надеялся, что родители сойдутся вновь, после чего мать прекратит симулировать неизвестную медицине неизлечимую болезнь или хотя бы будет ломать комедию не ему, а папе.

Сын начал издалека, но пронизательный отец сразу оборвал свое чадо. «Даже не мечтай», – сказал он коротко и добавил, что вообще не понимает, как он... Тут Яков Михайлович осекся, и Даня не услышал «в свое время умудрился залезть на эту кошмарную женщину». Вместо этого он рекомендовал сыну поскорее снять квартиру и обустроить свою жизнь независимо от ревливой матери, которая все равно не даст вздохнуть ни ему самому, ни тем более его потенциальной невесте. «Поверь мне, без тебя она быстрее излечится. В конце концов, ей только недавно исполнился полтинник. С чего бы это ей вдруг умирать прямо сейчас? А так, глядишь, еще найдет себе какого-нибудь усатого дедушку по

интересам», – завершил Яков Михайлович свой наказ и без лишних церемоний выставил отпрыска за дверь, так как с минуты на минуту ждал, по его собственным словам, гостей.

С гостями, точнее, с гостьей, ярко накрашенной грудастой брюнеткой, Даня столкнулся, выходя из лифта; он по достоинству оценил новую пассию своего папы и с досадой констатировал, что восстановить семейный статус-кво в ближайшее время ему удастся вряд ли.

Но и рисковать свалившимся на него заслуженным счастьем Даня не соби-рался: поведение мнимобольной матери ничего хорошего не предвещало. Оставалось последовать рекоменда-ции отца и снять квартиру. К тому же его зарплата «молодого специа-листа» это вполне позволяла.

К трудовой деятельности Даня приступил сразу же после получения диплома.

По протекции отца он был немедленно зачислен в штат небольшого карманного пиар агентства «Химар-М2», которое приходилось одной из «дочек» коммуникационному агентству «Мос-Химар», в котором, как было упомянуто выше, работал сам Яков Михайлович (но уже на руководящей должности), и через которую («дочку») отмывались немалые средства, щедро выделяемые государством на достоверное изображение выборов в разных регионах родной необъятной страны.

Поначалу Даня чувствовал себя не в своей тарелке, особенно когда ему впервые пришлось писать текст листовки для кандидата от «Единой России» в Еврейской автономной области. Он не знал, как можно будет вразумительно объяснить, разъяснить любимой Оксане тот факт, что он активно содействует партии, которую их вождь Алексей Навальный когда-то назвал «партией жуликов и воров» и против которой боролся сам и при-

зывал бороться всех своих сторонников.

Выручило Даню внимательное (фантастическо-писательское) наблюдение за старшим коллегой, грузином московского разлива Георгием Лукашвили по прозвищу «Жлобный грузин». Тот также преклонялся перед вождем Навальным, и между ним и Даней быстро установились доверительные отношения.

Но на всякий случай Даня решил не расстраивать Георгия и не рассказывать ему о том, что в 2008 году Алеша назвал всех грузин «грызунами», которых нужно выслать из России на их историческую родину, а кроме того призывал бомбить Тбилиси.

Как-то раз Даня поделился с коллегой своими сомнениями по поводу сотрудничества с партией власти, на что пятидесятилетний Гоша по строжайшему секрету сообщил ему, что он сам сильно обижен на Россию за несправедливую войну 2008 года,

поэтому, работая на «Единую Россию» в поте лица своего, разрушает врага изнутри. Тот факт, что за тринадцать прошедших лет «Едро» только усилилось, его ни сколько не беспокоил: «Жлобный грузин» свято верил в свою историческую миссию и в бухгалтерию «Химар-М2», которая регулярно и аккуратно перечисляла ему белую зарплату на счет в банке и выдавала «черный нал» в конверте.

И Даня, не мудрствуя лукаво, последовал примеру старшего товарища.

Он самолично объявил Оксане, что с успехом внедрился в стан врага и в нужный, ответственный момент – по заданию Навального – саботирует выборы или совершит еще какую-нибудь очень страшную электоральную диверсию. Оксана была на седьмом небе, – все-таки не каждый день ложишься не под киношного, а под самого всамделишного Штирлица.

Все проблемы разрешились, все дела уладились, банковский счет быстро рос, портмоне набухал, и совесть была чиста.

Настал покой и вместе с ним пришло, настало время третьего романа трилогии.

Как-то поздним вечером после обязательно звонка Оксане, которая готовилась к очередному экзамену своей первой сессии, и потому безвылазно сидела у себя дома под присмотром родителей, Даня расположился за столом в кухне своей арендованной квартиры, раскрыл свежеприобретенный ноутбук последнего поколения, создал в текстовом редакторе новый документ и с головой ушел в работу.

«Обретение рая»

.....
.....
...

Медленно разошелся в стороны свет незнакомых звезд и погас, открывая путь межгалактическому корабленосцу в Солнечную систему.

Ощущение движения совершенно не было. Межгалактический корабленосец будто бы завис в пустой мрачной космической темноте, и только по сложным чутким приборам на панели управления корабленосца можно было определить, что в скорости должны приблизиться знакомые планеты и,

главное, та единственная и родная, которая была оставлена несколько земных лет назад ради важной миссии Межгалактического центра космических исследований.

Егор включил монитор видеонаблюдения в разных отсеках межгалактического корабленосца. В своих кубриках отдыхала его уставшая за день команда, а в санчасти спокойно спала Анаско, дочь благородного, но слишком уж доверчивого адмирала.

Егор увеличил изображение на экране монитора и долго и с трепетным волнением всматривался в ее прекрасное юное лицо, пока его вдруг не отвлекли сложные приборы, которые просигнализировали, что прямо по курсу корабленосца показалась карликовая планета Плутон, находящаяся в поясе Койпера.

Егор мысленно поцеловал прекрасную и вожденную Анаско и с глубоким сожалением выключил монитор внутреннего видеонаблюдения. Потом он проверил точность показа-

ний приборов и взглянул в иллюминатор, за которым была скрыта мрачная темнота космоса.

До родимого дома оставалось рукой подать, и вдруг Егору вспомнилось абсолютно все, перед глазами вдруг, как будто в кино, пронеслись все события последних земных лет, все смертельные опасности, которые он пережил во время миссии, и ему вдруг стало очень страшно. Холодный пот предательски выступил на его похолодевшем лбу, а в похолодевших руках появилась предательская дрожь.

Кем? Чем он был для огромной необъятной вселенной? Всего лишь маленькой незначительной пылинкой. И все же ему удалось преодолеть все опасности и невзгоды, хотя часто судьба всей миссии висела на тонком волоске. И все-таки он не сломался под ударами судьбы. Он не отступил, он не сдался и из всех выпавших на его долю приключений он в итоге вышел с триумфом.

Но может ли его удача длиться бесконечно? Вот какой вопрос вдруг возник в его голове, поседевшей раньше времен от небывалых и незабываемых приключений. Как измерить количество удачи, которую выделяет превратная и капризная судьба на каждого живого человека? И где бы и как узнать, сколько выделено именно ему?

Какое будущее ждет его, Егора Седова, русского журналиста и самого молодого в истории Земли капитана флагманского межгалактического корабленосца «Св. Русь»?

Даня утер набежавшую на щеку слезу умиления и в самом низу страницы уверенно вбил «Москва, январь-февраль 2022 года». Часы на экране монитора показывали: 24 февраля 02 часа 07 минут.

Ответ на вопрос Даниного героя, его alter ego, прозвучал ровно через четыре часа, когда сам автор трилогии еще почивал.

Это был звук близкрига под кодовым названием «Специальная Войсковая операция». Сверхзвук самолетов, прицельно бомбящих жилые дома, рев танковых двигателей, оглушительное тарахтенье «вертушек», разрывы снарядов, пулеметные очереди и команды многонациональных российских офицеров: «Убейте, убейте, убейте!»

Но это также был хриплый голос Владимира Зеленского: посредственный актер и никудышный президент на удивление всему миру оказался Гражданином.

Но это также было стрекотанье поднимаемых в родное небо «Маэстро» турецких «Байрактаров».

Но это также был звон пустой тары, наполняемой бензином и пенопластом, клацанье железа в который раз разбираемых и собираемых непривычными гражданскими руками и нежными ручками промасленных советских автоматов и нескончаемый вой сирен машин скорой помощи...

И еще непроизносимое магическое слово «паляница», вставшее непреодолимой границей между свободными людьми и вызывающими омерзение холуями и хамами.

Несколько дней великороссы всех национальностей, мастей и политических течений по всей России ждали скорой сокрушительной победы любимого или ненавистного Путина.

И уже была подготовлена проходимцами новая броская фраза – «Киев – не бутерброд».

Но неожиданно Украина не сдалась.

Но Украина неожиданно сопротивлялась.

Но Украина сопротивлялась неожиданно успешно.

А когда под Гостомелем прославленные голубые береты были отправлены на свой небесный парад педерастов, оппозиционная публика бросилась наутек из страны.

Даня, как впрочем, и весь коллектив «Химар-М2», забросил работу и следил только за безрадостными сообщениями с фронта.

Тихая радость после взятия Херсона, быстро сменилась разочарованием, поскольку Киев, Харьков и Мариуполь так и не пали.

Даня чуть ли не ежечасно созванивался с бывшими сокурсниками, друзьями, знакомыми и каждый раз в ответ слышал примерно одно и то же неутешительное – «я в Шарике», «я в Домодедово», «я во Внушке» и потом – «я в Ереване», «я в Тбилиси», «я в Вильнюсе», «я в Риге», «я в Стамбуле», «я в ...».

И только Тимоха, выпускник МАИ, бодро ответил, что занят созданием супер-беспилотника, нового сверхоружия, которое в самое ближайшее время принесет «всем нам» потрясающую воображение и сокрушительную победу над всеми врагами по всему земному шару. Под конец разговора Тимоха, между прочим, сообщил Дане,

что Ксюха вышла замуж за какого-то канадца и родила двойню.

Но Даня не обратил на эту новость никакого внимания. Дане уже было все равно. Дане было не до Ксении, – его привычная жизнь обрушалась на глазах, комфортная жизнь его скукоживалась вместе с ежедневно вводимыми санкциями.

О своем отъезде Даня даже не помышлял. Он не мог вот так просто оставить Оксану.

И потом у него была только что завершенная трилогия и хоть и давнишнее – но все-таки обещание – папы оказать помощь с ее публикацией.

А также перспективная и щедро оплачиваемая работа.

А сверх того, недавно снятая уютная квартира.

И вдобавок очень больная мать, которая, правда, уже совершенно выздоровела, как и предсказал отец, но все равно могла в любой момент заболеть снова.

Наконец, кто-то же должен остаться, чтобы продолжать борьбу, томящегося в застенке Навального.

И в довершение всего...

Даня сызнова в мыслях возвращался к Оксане, этому бесценному подарку, полученному от жизни в заслуженную награду за все промахи и неудачи и за свое недюжинное терпение. Как уехать, когда вокруг нее вьется столько первокурсников? Да и куда ехать?

Даня тщательно подчистил свои страницы в социальных сетях, некоторые закрыл вовсе и стал жить-поживать, теша себя надеждой, что рано или поздно, но Украина будет разгромлена, после чего коллективный и индивидуальный Запад, как это было всегда, подойдет к вопросу по-западному, по-деловому и, привычно закрыв на все глаза, возобновит свой прибыльный бизнес с седьмой частью суши. И обычная привычная жизнь возобновится. Удобная

жизнь вернется в свою колею.

Более того, он, Даниил Хек, еще обязательно окажется в выигрыше, потому как не поддался всеобщей панике, не испугался и остался в родимой России наперекор всем и всему.

Однако совершенно избежать неприятностей не удалось.

С началом блиЗкрига на папашу Оксаны напал патриотический задор, и он своими собственными руками разукрасил свой дорогуций джип соответствующей моменту символикой и при каждой встрече требовал от молодежи: дочери, Дани и их приятелей присяги на верность родине и президенту Владимиру Владимировичу Путину, который в кой-то век «наконец-то нашел свои яйца».

Оксана на выходки своего отца зло огрызалась, а Даня... Даня не находил себе места меж двух огней. Он прекрасно понимал, что его отношения с Оксаной целиком и полностью зависят от будущего тестя, но и приз-

натся во всеуслышание в том, что он сам, хоть и не поддерживает войну, тем не менее, с нетерпением ждет и желает проклятым хохлам скорый и полный разгром, тоже никак не мог, чтобы не разочаровать и не потерять с таким трудом найденную любимую. А любимая Оксана, в свою очередь, время от времени принималась упрекать Даню то в том, что он не уехал как все, то в том, что не отвечает ее отцу-реакционеру должным образом, как это следовало бы делать пламенному оппозиционеру, и вообще часто ведет себя как самая настоящая тряпка, которая не желает видеть ничего дальше собственного носа.

Одно лишь упоминание о своем носе, дальше которого он не видит, повергло Даню в состояние шока. На память тут же приходила Ира...

И Даня чуть ли не на коленях бросался умолять Оксану отнестись к нему с пониманием и с жаром объяснял ей свое двойственное положение, когда нет никакой возможности пре-

небредь ее родителями, их дружественным отношением к нему, и особенно таким отцом. «Твоим отцом», – уточнял он обычно, чтобы переложить хотя бы малую толику ответственности на саму Оксану, отцом, без которого нельзя и помыслить будущую совместную жизнь.

«Ведь я тебя люблю, – наконец произнес он легко это нелегкое, непривычное слово. – Я хочу жить с тобой. Чтобы у нас с тобой были дети, чтобы ты бы всегда, чтобы я бы всегда, чтобы мы навсегда были б вместе...».

Однако Оксана только пожала плечами, словно его не услышала или услышала что-то само собой разумеющееся, и к вящему ужасу Дани призналась, что готова уехать вместе с ним. Уехать из «этой ужасной страны», бросить все, бежать хоть бы прямо сейчас и в чем мать родила, и будь что будет...

Склонный к ревности Даня совсем не желал, чтобы другие особи мужского пола видели, в чем мать

Оксаны ее родила, потому поздним вечером того же дня решился на звонок «Шауляю», единственному иностранцу, которого знал лично.

Тот ответил только с четвертого раза, когда Даня уже почти потерял всякую надежду.

– Привет, «Гэ-эр», – сухо, без восторга от предстоящего общения с одноклассником произнес Эрик.

– Не спишь? – спросил Даня, чтобы начать разговор.

– Нам теперь не до сна...

– Кому это нам? – искренне не понял Даня.

– «Гэ-эр», ты ко мне по какому вопросу?

Даня хотел было соврать, что звонит просто так, что никаких дел у него нет, что вот захотелось вдруг позвонить да поболтать с однокашником и старым приятелем, но по тону и скупости на слова «Шауляя» догадался, – пустой разговор не пройдет.

– Эрик, я хочу уехать... Хотел бы узнать, не мог бы ты... Может, как-

нибудь...

– Нет.

Категоричный и краткий, и столь же не предполагающий пусть и самых малых, незначительных, даже ложных, лживых объяснений невозможности помочь ответ возмутил Даню до глубины души.

– «Шауляй», я не понимаю, что я тебе такого сделал? Ты со мной разговариваешь, будто я...

– «Гэ-эр», обратись к своему любимому Навальному. Или к его жене и верным соратникам. У нас здесь от этой мерзоты не продохнуть. Ты же, как я помню, в их партии состоял. Это их прямая обязанность помочь своему товарищу.

– Навальный, чтобы ты знал, сейчас в тюрьме! – пришел в негодование Даня.

– Народов...

– Что?

– Ничего. У тебя еще что-нибудь?

Даня понял, что разговор не получился, что разговор закончен, что...

– Да, хотел еще узнать, как там Анто-

ха. Вы же вроде бы...

Это был последний шанс зацепиться за общение с «Шауляем», выторговать себе хотя бы малость. К тому же он помнил, что Антоха тоже стал иностранцем.

– Убили Антоху, Даниил Яковлевич. Еще в январе семнадцато...

– Что? Как? Как Антоху? Как убили? Где? Кто? – перебил «Шауляя» потрясенный новостью Даня.

– Вы вместе с вашими бутербродами и убили, – гробовым голосом ответил ему Эрик и оборвал связь навсегда.

На 3150-й день войны, 8 октября 2022 года Дане все-таки пришлось покинуть страну.

– Чтобы не дразнить гусей, – строго сказал Яков Михайлович безутешно рыдающей Татьяне Абрамовне и утиравшей сухие слезы счастливой Оксане.

Он впервые за последние семь лет приехал в свою бывшую квартиру, чтобы забрать сына и лично отвезти его в Беларусь, откуда красноглазый от переживаний Даня должен был вылететь в далекий Стамбул.

В национальном аэропорту «Минск» Яков Михайлович зарегистрировал Даню на рейс до турецкой

СТОЛИЦЫ, ПОТОМ ПО-ОТЦОВСКИ крепко обнял, похлопал по спине и плечу, подмигнул и напоследок, вложив в непослушные руки сына его нехитрый багаж, весело и протяжно произнес на манер торговца вразнос: «Не бьется, не ломается, а только кувыркается!»

Стамбул. Район Бейоглу. Маленький дешевый отель вдалеке от туристической зоны, найденный по совету бывалого однопартийца. Чистый скромный номер на шестом этаже.

К несказанному сожалению Дани крыши соседних домов полностью закрывали ему вид на бухту Золотой рог и на знаменитые мечети Фатиха за ней. Он несколько раз пытался добиться от добродушного портье переселения на последний этаж и как-то взялся его подкупить одной десятидолларовой купюрой, потом двумя, после, скрепя зубами тремя, наконец целым «президентом Грантом», но тот лишь покачал головой и вежливо объяснил, что номер на седьмом эта-

же занят постоянным клиентом, который регулярно заселяется всегда и именно там еще с 2014 года.

Целые дни напролет Даня проводил в своем номере. Пропитание ему доставляли курьеры международных фаст-фудов, и выходил он на улицу лишь для того, чтобы купить сигареты да минералку в ближайшем супермаркете. Поглощенный только собой и постигшим его горем, Даня так и не заметил, как привлекательны, как пленительны, как прекрасны, как прелестны турчанки...

День-деньской Даня просматривал в интернете ежедневные казавшиеся безнадежными сводки с фронта, которые зачитывали в прямом эфире доморощенные сопливые военные эксперты, а вечерами подолгу сидел у открытого окна, глядел на чаек, кричащих и безумно мечущихся в темном стамбульском небе, и звонил поочередно Оксане, которая каждый раз клятвенно обещала обязательно приехать в Стамбул после зим-

ней сессии на все каникулы; вновь смертельно больной матери, которая, тем не менее, также собиралась его навестить, но в самое ближайшее время; отцу, который обычно был очень занят, но все-таки обрадовал сына, что уже почти совсем договорился о публикации (за свой счет) трилогии в издательстве «Эксмо».

А сам Даня, как заведенный, жаловался на жизнь и неистово клял последними словами никак не желающую сдаваться незалежную Украину и в особенности «этого кокаинового клоуна» Зеленского, которого непременно следует вывезти в Москву и казнить, казнить, казнить.

Казнить прилюдно и под все мировые телекамеры прямо на самой Красной площади. Прямо на самом Лобном месте.

Каждый вечер у открытого окна скромного номера на седьмом этаже дешевого отеля в районе Бейоглу располагался и я.

Пожалуй, первый раз в жизни мне так крупно повезло, когда не было совершенно никакой необходимости что-либо придумывать.

И я абсолютно ничего не придумал, абсолютно ничего не сочинил.

Ни единой мысли, ни малейшего слова.

Я лишь терпеливо и предельно старательно все записал.

Слово в слово.